

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.17>

UDC 94“13”:323

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 01.02.2019

Accepted: 18.07.2019

SOCIAL AND POLITICAL DESTABILIZATION IN BYZANTIUM IN THE EARLY 14th CENTURY: CAUSES AND CONSEQUENCES

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. For the considerably weakened Byzantine state the reign of emperor Andronikos II Palaiologos (1282–1328) was mainly a time of foreign policy failures and internal contradictions. These latter became noticeably aggravated at the very early 14th century against the background of the Turkish conquest to which Asia Minor was subjected and the simultaneous Catalan mercenaries' revolt which hit the European part of the empire. During this period seven internal conflicts different in character and form are recorded. Our goal is to determine the content of these movements, specificity of their genesis and development, their consequences for Byzantium as well. **Analysis and Results.** As a result of the study we found out that the Turkish attacks and the Catalan revolt launched important economic, social and political processes which caused deepening of tension in relations between society and the state in Byzantium during this period. Among them we indicate: 1) the process of out-migration from Asia Minor to the European parts of the empire which was accompanied by extreme pauperization (and even lumpenization) of people who moved to Constantinople and its environs; 2) the process of destruction and marginalization of military contingents deployed in the east resulting in the loss of income and combat capability by soldiers; 3) the process of significant weakening of the centralized state control over remote regions worsened by the compelled circumstance of the war on two fronts. The effects of these processes directly reflected on the authority of the ruling emperor, weakened the position of power in the empire and took shape of numerous internal conflicts that had arisen and received (or had not received) development in this time. These conflicts had a significant impact on the destabilization of the domestic and foreign political situation in which the Byzantine state was during the first years of the 14th century. They touched many social groups to varying degrees, so that the period of time under study can justly be described as “society against power”.

Key words: Byzantium, early Palaiologan period, Andronikos II Palaiologos, Turkish conquest of Asia Minor, Catalan revolt, internal conflicts, Byzantine society.

Citation. Lysikov P.I. Social and Political Destabilization in Byzantium in the Early 14th Century: Causes and Consequences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 206-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.17>

УДК 94“13”:323

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 01.02.2019

Дата принятия статьи: 18.07.2019

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В ВИЗАНТИИ В НАЧАЛЕ XIV в.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Павел Иванович Лысиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Для заметно ослабевшей Византии правление императора Андроника II Палеолога (1282–1328) по большей части было временем внешнеполитических неудач и внутренних противоречий. Последние значительно обострились в самом начале XIV в. на фоне турецкого завоевания Малой Азии и одновременного ему восстания каталонских наемников на западе. В этот период фиксируются семь внутренних конфликтов, различных по характеру и форме. Нашей задачей выступает определение содержания, специфики генезиса и развития этих движений, а также их последствий для византийского государства. В результате исследования было выяснено, что турецкая экспансия и каталонское восстание запустили важные экономические, социальные и политические процессы, обусловившие углубление напряженности в отношениях

между обществом и государством в Византии в указанный период времени. В их числе мы указали: 1) процесс усиленного оттока населения из Малой Азии в европейские части империи, который сопровождался крайней пауперизацией (и даже люмпенизацией) масс, наполнявших Константинополь и его окрестности; 2) процесс разорения и маргинализации воинских контингентов, размещенных на востоке, приводивший к потере солдатами своих доходов и боеспособности; 3) процесс значительного ослабления централизованного контроля над отдаленными регионами государства, усугубившийся вынужденным обстоятельством войны на два фронта. Последствия воздействия одного или нескольких указанных процессов напрямую отражались на авторитете правящего императора, ослабляли позиции власти, обретая оформление в виде многочисленных внутренних конфликтов, возникших и получивших или не получивших развитие в рассматриваемый период времени. Последние оказали существенное влияние на дестабилизацию внутри- и внешнеполитического положения византийского государства. Они в той или иной степени коснулись различных социальных групп, так что исследуемый период времени можно правомерно охарактеризовать как «общество против власти».

Ключевые слова: Византия, раннепалеологовский период, Андроник II Палеолог, турецкое завоевание Малой Азии, каталонское восстание, внутренние конфликты, византийское общество.

Цитирование. Лысков П. И. Социальная и политическая дестабилизация в Византии в начале XIV в.: причины и последствия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 206–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.17>

Введение. Продолжавшееся без малого столетия правление византийского императора Андроника II Палеолога (1282–1328) было отмечено значительным количеством внутренних конфликтов, принимавших различные формы. Под емким понятием «внутренний конфликт» мы подразумеваем целый спектр оппозиционных движений, которые не всегда переходили в открытое противоборство сторон, завершаясь на предконфликтной стадии: это и едва оформившиеся заговоры, и интриги отдельных представителей правящей элиты (друг против друга и против императора), а также городские погромы, акции сепаратизма, мятежи отдельных представителей военной аристократии, гражданские войны. Наиболее насыщенным внутренними конфликтами периодом в рамках правления Андроника II выступает рубеж XIII–XIV вв.: по нашим подсчетам, с 1292 по 1311 гг. внутри византийского общества на разных стадиях развития имели место двенадцать конфликтов. В последние восемь лет указанного периода они приобрели практически перманентный характер, формируясь на фоне турецкого завоевания Малой Азии и одного из крупнейших вооруженных восстаний раннепалеологовского времени – так называемого «каталонского восстания» (о приложении понятия «гражданская война» к восстанию каталонцев см., например: [26, p. 245]). В доступных нам источниках сохранились сведения о семи внутренних движениях, возникших в течение 1303–1311 гг., различных

по характеру, содержанию и форме. О многих из них имеются лишь крупницы информации, не позволяющие исследовать эти явления более тщательно и подробно. Все эти конфликты в большей или меньшей степени были обусловлены определенными изменениями во внутри- и внешнеполитическом положении византийского государства на рубеже веков, и их зарождение отражало реакцию на эти изменения со стороны различных категорий населения империи. Наша задача, таким образом, заключается в определении специфики содержания, обстоятельств возникновения и развития различных внутренних конфликтов в исследуемый период времени, а также их последствий для византийского государства.

Общий обзор историографии темы. Рассматриваемые конфликты еще не выступали предметом специального совокупного исследования. Некоторые из них были рассмотрены обобщенно, в рамках изучения более широких вопросов истории византийского государства на рубеже XIII–XIV вв. (см., к примеру: [29, p. 136, 187sq., 197sq., 212–219; 44, с. 126, 198, 199, 251; 21, S. 122, 125sq., 147sq.; 13, p. 79sq.; 25, p. 29, 30; и др.]). Другие подлежали тщательному анализу в узкоспециальных работах, посвященных одному конкретному движению (заговоры Иоанна Дримия [1; 45; 18] и Иоанна Мономаха [10], «попытка апостасии» Кассиана [27]). Константинопольские конфликты 1305–1307 гг. освещены в работе: [37, p. 149sq.], задача которой, впрочем, ко-

ренным образом расходится с нашей. Предполагаемая связь заговора Дримия с арсенитами обусловила многократные ссылки на него в соответствующей историографии, впрочем, часто без обращения к сущности явления (см., к примеру: [6, с. 416–422, 432сл. (наиболее подробный обзор хода и сущности конфликта); 30, р. 243; 43, с. 222; 42, с. 126; 5, с. 91; 41, р. 164; 2, с. 20сл.] и др.). Отдельные дискуссионные вопросы в изучении тех или иных конфликтов будут освещены в ходе их исследования.

Общий обзор источников. *Нарративные сочинения.* Наиболее значимым для исследования является, несомненно, фундаментальный труд византийского историка, церковного и государственного деятеля Георгия Пахимера [19, t. IV], охватывающий период практически в полвека, с 1258 по 1307 г. Современность автора описываемым событиям и близость к правящим кругам обеспечили достаточно подробное и наполненное важными и подчас уникальными деталями изложение его сочинения. Труд историка и энциклопедиста Никифора Григоры [33], работу над которым он закончил ок. 1358 г., привлекался исключительно в целях дополнения информации, содержащейся в сочинении его старшего современника. В описании событий исследуемого периода он во многом несамостоятелен и в значительной степени зависит от упомянутого выше труда Пахимера. Помимо византийских нарративных сочинений, настоящее исследование опирается также на одну хронику западноевропейского происхождения [15 = 39], автор которой – каталонец Рамон Мунтанер – являлся непосредственным участником каталонской экспедиции на восток, посвятив ей гл. 199–241 своего труда. Изложение событий каталонского восстания в хронике Мунтанера в целом и в деталях вступает в серьезное противоречие с византийской позицией относительно причин возникновения, развития, углубления указанного конфликта и поэтому представляет значительный интерес. Информация источника приводится нами главным образом для сопоставления с данными, предлагаемыми Пахимером и Григорой.

Об *эпистолярных источниках и документе официального происхождения*, привлекавшихся нами к исследованию конкретных конфликтов, мы скажем подробно в соответствующих разделах настоящей статьи.

Методологической основой исследования выступает системный подход. Общество и государство в Византии начала XIV в. рассматривается как целостная система взаимосвязанных элементов, каждый из которых несет на себе выполнение определенных функций по отношению друг к другу и к системе в целом. Системный подход позволяет выявить механизмы и определить причины конкретных кризисных явлений и противоречий в византийском обществе и государстве, реализуемых посредством внутренних конфликтов. Глубина этих противоречий определяется частотой и продолжительностью конфликтных ситуаций, возникающих внутри системы и поражающих ее структурные элементы.

Наши знания и представления о византийском государстве в изучаемое время основываются на данных источников, понимание которых находится в прямой зависимости от интерпретации отдельных частей текста. Принципы герменевтического метода позволяют учесть различные аспекты целостного толкования текста источника, а именно: историко-культурный контекст его написания, социальное положение автора и его близость к описываемым событиям, используемый им языковой инструментарий, отражающий его восприятие и понимание того или иного явления и т. д.

Анализ. Турецкое завоевание Малой Азии, в самом начале XIV в. принявшее форсированный характер, неудержимо лишило Византию ее исконных территорий. В этот период времени они, вероятно, уже представляли собой несколько разрозненных эксклавов на западной оконечности полуострова, находившихся в окружении турок¹. Отступление византийской армии под руководством сына и соправителя Андроника II Михаила IX (1294–1320) к Магнисии [19, t. IV, р. 341^{16–35}, 343^{2–345}¹⁰; 33, р. 205^{21–207}⁶] и поражение византийцев в битве при Вафии (Βαφέυς) (1302) [19, t. IV, р. 359^{3–7}, 367^{3–26}] продемонстрировали несостоятельность усилий старшего императора противостоять противникам, одновременно наступавшим с нескольких направлений на владения империи на востоке.

В этих условиях как нельзя кстати оказалось предложение услуг, отправленное в Константинополь Рожером де Флором, лидером каталонской «компании» (старокат. la

compana), недавно отличившейся в борьбе за Сицилию (1302) [19, t. IV, p. 433¹²⁻²²] (ср.: [15, p. 379sq. = 39, p. 481sq.]). Прибытие по договору с Андроником II дружины де Флора в Византию (1303) и его последующий малоазийский поход (1304), в общей сложности занявший практически семь месяцев, ненадолго приостановили продвижение турок на запад (о хронологии восточного похода каталонцев см.: [16, p. 53–61]). Действия каталонцев с самого начала были сопряжены с произволом по отношению к местному населению, а вскоре позитивный эффект от их присутствия в империи полностью перечеркнуло разорение византийских территорий, начатое ими ввиду нерешенности вопроса содержания каталонской дружины. Длительные переговоры императора и де Флора в конечном итоге завершились убийством последнего окружением Михаила IX (1305) [19, t. IV, p. 575⁵–577⁷] (ср.: [15, p. 404 = 39, p. 512sq.]), а последовавшее за этим открытое выступление каталонцев против империи (1305–1311), охватившее ее европейские регионы, надолго парализовало любые усилия Андроника II по организации сопротивления турецкой агрессии и значительно усугубило ситуацию в Малой Азии (о событиях каталонского восстания см., к примеру: [29, p. 158–199, 220–229]).

Завоевательные походы турок, приводя к территориальным сокращениям, вызывали значительный отток населения с востока в ее западные области. Под 1303 г. Пахимер писал о последовательном бегстве восточных жителей вглубь остававшихся под контролем Византии территорий. Здесь же историком были отмечены и первые случаи массовой миграции малоазийского населения через Геллеспонт на противоположный берег (τὴν ἀντιπέριαν) [19, t. IV, p. 349¹²⁻¹⁸]. Многие из беженцев полностью лишались своего имущества и, следовательно, средств к существованию [19, t. IV, p. 349¹⁸⁻³²]. Значительная их часть устремлялась в Константинополь, наводняя улицы города и пополняя городские маргинальные элементы, остальные с остатками имущества размещались за стенами столицы, на побережье (ἐκτὸς παρ' αἰγιαλόν) Босфора и Мраморного моря [19, t. IV, p. 369⁸⁻¹⁰]. Факт присутствия беженцев, мигрировавших с востока, в Константинополе зафиксирован также

каталонским хронистом Мунтанером, прибывшим в империю вместе с «компанией» [15, p. 387 = 39, p. 491sq.]. В результате наплыва переселенцев обстановка в городе неизбежно приобретала черты социальной напряженности. Прибытие каталонцев в Византию и их последующее восстание усугубляло положение, и новые беженцы наполняли столицу и присоединялись к тем, кто оказался здесь ранее, переселившись с востока в поисках убежища от «персов» [19, t. IV, p. 579¹³⁻¹⁶].

Собственно византийская армия в этот период времени также испытала на себе влияние турецкого фактора, повлекшего за собой не только обнищание, но и маргинализацию солдатской массы. Солдаты, лишившиеся имущества и дезертировавшие на запад, несколько раз отмечены Пахимером для периода после 1302 г. [19, t. IV, p. 369¹¹⁻¹⁴, 425¹⁵⁻¹⁷, 433²²⁻²⁴]. Какая-то их часть оставалась без дела, вероятно, живя за счет подачек или занимаясь мародерством; другим удавалось сохранить социальный статус и продолжить службу в армии в западных регионах империи. Так, солдаты с востока несколько раз упомянуты византийским историком в ходе болгаро-византийской войны и восстания каталонцев [19, t. IV, p. 491¹¹⁻¹³, 599¹⁹⁻²⁰, 665¹⁰⁻¹⁴]. Некоторые беженцы присоединялись к противникам, перенимая их обычаи и сражаясь против византийцев [19, t. IV, p. 689⁶⁻⁸]. Присутствие в западных областях государства солдат-беглецов, которых оно было не в состоянии обеспечить потребным для несения военной службы, также негативным образом отражалось на социальной ситуации в этих регионах, накаляло обстановку, создавало среду, почву для возникновения конфликтов внутри византийского общества.

Процесс деградации вооруженных сил государства еще более усугублял его зависимость от иностранных наемных контингентов, которых в условиях отсутствия у императора механизмов принуждения было невозможно контролировать. Опустошительное восстание каталонской дружины наносило колоссальный экономический урон империи, что фактически поставило ее европейские регионы (в том числе столицу) под угрозу голода (1306–1307). Тяжелое продовольственное положение Византии осложнялось рядом других факторов, тесным образом связанных с неудачными

политическими решениями самого Андроника II (речь идет, в частности, о введенном им запрете сельскохозяйственных работ (τὸ κεκωλῦσθαι σπείρειν) (лето 1306), вызванном опасением, что весь урожай может достаться каталонцам [19, t. IV, p. 691⁵⁻¹⁰]) (этому эпизоду подробно с привлечением всех доступных источников посвящена работа: [28] (см. также: [29, p. 195sq.])).

Роль условий и факторов, представленных выше, в генезисе внутренних конфликтов в рассматриваемый период времени следует прояснить посредством разбора и анализа каждого конкретного конфликта в хронологическом порядке. Для удобства и наглядности последние будут представлены в виде схемы, состоящей из следующих компонентов (их количество и содержание будут различаться):

1. Участники и движущие силы.
2. Содержание и обстоятельства конфликта.
3. Время и место.
4. Реакция власти.
5. Итоги и последствия.

1. «Заговор» деспота Михаила Ангела.

Участники и движущие силы. Организатором конфликта выступил деспот Михаил (Дмитрий) Дука Ангел [35, no. 193; 34, p. 96, no. 51] – крупный военачальник эпирского происхождения, приходившийся зятем Андронику II по первому браку. Согласно имеющимся данным, в своей деятельности он опирался на солдат, которые, «недавно переселившись с востока с женами и детьми из-за нападений персов, скитались на западе» (ἀντολίθηεν ἀποικισθέντες ἐξ ὑπογύου δια τὴν καταδρομὴν τῶν Περσῶν αὐταῖς γυναῖξὶ καὶ τέκνοις, ἦλυον κατὰ δύσιν) [19, t. IV, p. 447²²⁻²⁵]. Историк называет их «поневоле невоенными» (ἀπόλεμοι ἐκ τῆς ἀνάγκης) [19, t. IV, p. 435⁵⁻⁶]. Имя одного из них известно – это некий Котерци (Κοτέριτζης) [35, no. 13328], не фигурирующий больше ни в одном источнике. Посредством него, согласно Пахимеру, Ангел привлекал к себе солдат-беженцев.

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография и терминология.* В историографии конфликта действия Михаила Ангела квалифицировались как «заговор» (Verschwörung [35, no. 193]) и «измена» (Verrat [21, S. 125]). А. Кондояннопулу характеризова-

ла данный инцидент как «опалу» (δυσμένεια), очевидно, ставя под сомнение истинность инкриминируемого Ангелу преступления [44, с. 251]. Что интересно, источник использует крайне многозначную лексему μελέτη [19, t. IV, p. 449⁴], которая ни в античное, ни в византийское время не имела ни одно из вышеперечисленных определений. Судя по всему, в ранневизантийский период μελέτη приобретает значение «план, замысел, проект» [38, p. 742, s.v.; 8, p. 841, s.v.]. Прилагательное δεινὴ («ужасный»), вместе с которым употребляется μελέτη, придает ему нужный автору негативный окрас. В одном месте Пахимер выразился более определенно, охарактеризовав действия Ангела как ἀπιστίας μελέτημα [19, t. IV, p. 435¹²], что можно перевести как «замысел неверности». Лексема ἀπιστία (в знач. «неверность», «вероломство») употребляется также отдельно от μελέτη [19, t. IV, p. 449⁴].

Отметим, что сам Пахимер (единственный источник по этому вопросу) не вменяет в вину Ангелу что-либо. Все лексемы, указанные выше, употребляются через призму мыслей и действий императора: «василевс подзревал». Автор, по всей видимости, до конца не определился, существовал ли «заговор» Ангела в действительности, либо был уверен в обратном, но сознательно избежал однозначных выражений, чтобы не выставить фигуру Андроника II, к которому он испытывал явную симпатию, в невыгодном свете.

Возникновение и развитие конфликта.

Согласно Пахимеру, Михаилу Ангелу, подвергнутому обвинению и арестованному, инкриминировалось следующее: деспот тайно собрал вокруг себя «до сотни» солдат с востока, обменявшись с ними клятвами верности [19, t. IV, p. 435⁶⁻⁸, 447²²⁻²⁵]. Клятва, данная деспотом малоазийским солдатам, «была приличествующей василевсу... и (ему) одному» (ἦν δ' ὁ ὄρκος βασιλεῖ πρέπων, οἶμαι, καὶ μόνῳ) [19, t. IV, p. 435⁸⁻⁹], что может указывать на императорские амбиции Ангела. Он легко вступал в контакт с беженцами с востока, лишенными имущества и содержания, и добивался их доверия, «давая многое и обещая великое» [19, t. IV, p. 447²⁵–449¹]. Ситуацию усугублял тот факт, что деспот был женат вторым браком на дочери бывшего болгарского царя Георгия I Тертера (1280–1292) [19, t. IV,

р. 435¹¹⁻¹²; 449⁴⁻⁶], вследствие чего его дополнительно заподозрили в связях с болгарами, с которыми на рубеже XIII–XIV вв. у византийцев складывались напряженные отношения. Пахимер пишет, что император «соединил в одно это [обвинение] и весьма многое другое» [19, t. IV, p. 435¹⁰⁻¹¹]. Под последним, полагаем, следует понимать не только наличие у Ангела жены-болгарки, но и ряд других его серьезных проступков, совершенных им ранее. Во-первых, деспот не выполнил приказ Михаила IX, настаивавшего на том, чтобы тот отправился в Никею с войском и осуществлял там военное управление [19, t. IV, p. 435³⁻⁵]. Во-вторых, ранее, во время неудачного похода Михаила IX на восток, Ангел оставил младшего императора в Магнисии, под предлогом болезни покинув ряды действующей армии [19, t. IV, p. 345²⁹⁻³⁰]. Все это, несомненно, отражалось на репутации деспота, готовя почву для более существенных обвинений.

Так или иначе, в тексте Пахимера нет убедительных доказательств «сфабрикованности» дела Михаила Ангела (как и нет доказательств его вины). Отметим, что Андроник II не всегда слепо доверял доносам, на что большое влияние оказывал фактор личного отношения к их объектам. Предположим, что в данном случае обвинение (даже при условии отсутствия основательных доводов) могло быть небеспочвенным. Факт привлечения к себе на службу люмпенизированных элементов, скорее всего, имел место быть в действительности, а секретность, которая окружала все действия Ангела, должна наводить на мысль об их неправомерности. В таком случае конфликт – ввиду всех обстоятельств – представлял собой попытку формирования дружины с целью захвата власти в столице, организованную одним из представителей византийской военной элиты, решившим воспользоваться формировавшейся в столице новой социальной ситуацией для удовлетворения своих политических амбиций.

Время и место. Суд над Михаилом Ангелом начался 1 января 1304 г. [19, t. IV, p. 448, n. 5; 36, S. 41, no. 2260], следовательно, деятельность деспота приходится на более раннее время. Ранее у Пахимера было упомянуто, что Ангел участвовал в походе Михаила IX против турок (1302) и вместе с ним отступил к Магнисии, но через какое-то время оставил

молодого императора, заболел и вернувшись «домой» [19, t. IV, p. 345²⁹⁻³⁰]. Это произошло до бегства Михаила из города (начало 1303 г.), то есть, очевидно, еще в течение 1302 г. Таким образом, наиболее надежной представляется хронологическая локализация деятельности Ангела в 1303 г. Местом действия, судя по всему, выступал Константинополь, поскольку историк отметил, что деспот совершал свои дела, «будучи в городе» (*κατὰ πόλιν ὄν*) [19, t. IV, p. 447²⁵⁻²⁶].

Реакция власти. О подпольной деятельности Михаила стало известно императору вследствие доноса некоторых солдат-беженцев из окружения упомянутого Котерци (*Κοτέριτζης*). Деспот был осужден 1 января 1304 г. на совместном заседании синода и синклита, подвергнут аресту и 13 марта заключен в Большом дворце вместе с женой и детьми [19, t. IV, p. 449³⁻¹³] (о последней дате: [19, t. IV, p. 448, n. 5; 36, S. 42, no. 2262]).

Итоги и последствия. Имуущество (*τὰ κτήματα*) деспота было конфисковано и затем передано императором во владение своему сыну и соправителю Михаилу IX [19, t. IV, p. 447¹³⁻¹⁹, 449¹³⁻¹⁷], который потерял свои прони на востоке вследствие турецкого завоевания. Позднее Ангел устроил неудачный побег и был переведен из Большого дворца в тюрьму во Влахернах [19, t. IV, p. 449¹⁶⁻¹⁷]. Дальнейшая судьба деспота и его жены неизвестна. Сыновья Ангела от первого брака отметились в важных событиях первой и второй гражданских войн [35, no. 21435, 21495].

Это первое (и не последнее) зафиксированное участие беженцев во внутренних конфликтах начала XIV в. Заметим, что социальную напряженность в Константинополе, возникшую в процессе переселения туда беженцев с азиатской стороны, стремились использовать в своих интересах многие неблагонадежные элементы. Пахимер, неоднократно подчеркивая этот факт как одно из последствий гибели византийской Малой Азии, вероятно, стремился привлечь внимание императора на нерешенность социальных проблем, созданных турецким завоеванием восточных территорий империи, и на опасность, которая могла угрожать политической стабильности в государстве в случае их дальнейшего игнорирования.

2. Апостасия Атталиота.

Участники и движущие силы. Во главе апостасии находился некий Атталиот (Ἀτταλειώτης), «один из императорских конюших» (εἷς τῶν βασιλικῶν ἵπποκόμων) [19, t. IV, p. 471¹⁶⁻¹⁷; 35, no. 1656]. Известен только по нескольким пассажам из сочинения Пахимера. Ему оказывало поддержку население (οἱ αὐτόχθονες) крупного малоазийского города Магнисия у Сипила, которое у историка представлено обобщенно, без разделения на какие-либо социальные группы.

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография конфликта.* В историографии вопроса данный эпизод упоминался, прежде всего, в контексте взаимоотношений каталонцев и византийского населения Малой Азии и рассматривался в качестве их кульминации, вылившейся в вооруженное столкновение между рутьерами и византийцами [29, p. 136; 13, p. 79; 21, S. 122]. Фигура Атталиота в данной связи как бы терялась на фоне общенародного протеста против незаконных действий наемников. Э. Арвейлер и А. Кондояннопулу сместили акцент на события, которые предшествовали осаде Магнисии, впрочем, не концентрируя внимание на сущности конфликта [9, p. 46sq.; 44, σ. 198]. Отметим, что мы видим в данном эпизоде, прежде всего, апостасию Атталиота и только затем – конфронтацию византийцев и каталонцев.

Терминология. Действия магнисийцев характеризуются Пахимером посредством употребления лексемы ἀποστασία [19, t. IV, p. 483¹³, 629⁸], а сам Атталиот называется ἀποστάτης [19, t. IV, p. 47116], ἀποστατῶν [19, t. IV, p. 629⁷] и ἀφηνιάσαντος [19, t. IV, p. 559¹⁴]. Первое слово можно понимать или в несколько более общем смысле – как «измена», «отступничество» (в том числе в духовном смысле), или же с учетом специфики – как «восстание», «мятеж» [8, p. 208, s.v.; 38, p. 232, s.v.]. Соответственно, и ἀποστάτης, ἀποστατῶν следует переводить как «изменник», «отступник» (тж. от веры) или же как «мятежник» [8, p. 208sq., s.v. ἀποστάτης; 38, p. 232, s.v. ἀποστάτης]. В этой связи действия Атталиота понимаются как нарушение клятвы верности, данной императору как наместнику Бога на земле, вероломный выход из его подданства. Сам факт выступления *прежде* под-

данных василевса против него или его ныне подданных рассматривался Пахимером как измена и отложение от власти императора, вне зависимости от целей (и даже этнической принадлежности) мятежников. Например, апостасией в его сочинении названо, с одной стороны, восстание под руководством Алексея Филанфропина [19, t. III, p. 237⁹, 239²⁹, 241³³, 253^{30,33}, 255⁶], в котором при определенных условиях можно усмотреть акт сепаратизма, а с другой – восстание каталонского войска [19, t. IV, p. 573¹³] (факт, весьма показательный сам по себе!). Речь в последнем фрагменте идет именно об измене, открытом отложении наемников от власти василевса, которое накануне убийства Рожера де Флора ожидалось Михаилом IX и его окружением².

Что касается причастия ἀφηνιάσαντος (от глаг. ἀφηνιάζω), полагаем, его следует переводить сущ. «мятежник», которое на первый взгляд является более широким, нежели ἀποστατῶν, но, по сути, как мы уже сказали, в общем схоже с ним (особенно если принять во внимание *букв.* значение глагола ἀφηνιάζω – сбросить поводья, узду, *мет.* власть [8, p. 274, s.v. *ἀφηνιάω; 38, p. 286, s.v.]).

Возникновение и развитие конфликта.

Во время своей восточной реконксты лидер каталонских наемников Рожер де Флор встал перед необходимостью размещения в надежном месте имущества, награбленного у турок и византийцев, поскольку размер обоза, вероятно, уже начинал отражаться на мобильности его войска. Для этой цели он выбрал крупный, хорошо укрепленный город Магнисия у Сипила, который незадолго до этого оказался под контролем некоего Атталиота. Согласно источнику, Атталиот захватил власть в Магнисии «без ведома и приказа василевса» (παρ' εἰδησιν βασιλέως καὶ προσταγῆν), «показавшись почти отступником» (ἀποστάτης δόξας ἐγγύς). Он управлял городом «вместе с местными жителями сообразно каким-то собственным желанием» (ἰδίαις τισὶ θελήσει συνάμα τοῖς αὐτόχθοσι) [19, t. IV, p. 471¹⁶⁻¹⁹]. Кроме того, Атталиот не допустил в город отправленного сюда для управления (εἰς κεφαλὴν ὄντος)³ великого этериарха Ностонга Дуку [19, t. IV, p. 471¹⁹⁻²⁰] (о нем: [35, no. 20725; 34, p. 152, no. 133]), который вскоре, опасаясь каталонцев, воспользовавшись удач-

ным предлогом, оставил свой пост и бежал в столицу [19, t. IV, p. 471²⁴–473¹³]. Обратим внимание на то, что в этом эпизоде Пахимер назвал Атталиота «ранее (πρότερον) показавшимся почти отступником (ср.: мятежником, изменником)». У историка на то были веские основания, поскольку Атталиот действовал самостоятельно и в нарушение приказов василевса, а Магнисия фактически отложила от империи. Тем не менее при приближении войска де Флора к городу «почти мятежник» вышел к нему навстречу, подчинился ему, принял его, чем «показался верным василевсу» (πιστὸς ἔδοξε βασιλεῖ), и в конечном итоге разместил у себя каталонский обоз [19, t. IV, p. 471^{20–24}, 483^{9–11}]. То есть через подчинение одному из подданных императора он открыто продемонстрировал, что по-прежнему лоялен правящей династии, несмотря на то, что такое поведение Атталиота было вызвано, безусловно, стремлением удержать каталонцев от разорения города.

В дальнейшем повествовании все вышеописанное подтверждается следующим фактом. Спустя какое-то время, согласно источнику, магнисийцы, «обращают взоры к отложению» (πρὸς ἀποστασίαν ἀφορῶσι): в конечном итоге, опасаясь последовать примеру прочих малоазийских городов, буквально опустошенных рутьерами, они перебили каталонский отряд, оставленный в городе для охраны обоза, захватили награбленное и заняли оборону. Завершается отрывок фразой: «обеспечив надежность городских ворот, они отложились открыто» (τὰς πύλας ἐν ἀσφαλεῖ θέμενοι, δῆλοι ἦσαν ἀποστατοῦντες) [19, t. IV, p. 483¹¹–24]. Получается, «почти отложившиеся» от власти императора жители города стали «явно отложившимися», вступив в открытый конфликт с каталонцами, которые в данном контексте понимаются как подданные василевса.

По своей сути действия Атталиота и магнисийцев следует рассматривать как акт локального сепаратизма и узурпации местной власти. Пахимер писал, что для жителей города «в самом деле было легким замыслить это (апостасию. – П. Л.), вследствие того, что они и прежде (то есть с момента прихода Атталиота к власти в городе. – П. Л.) были сами по себе (καθ' αὐτοῦς) и управлялись, полагаясь

на укрепленный город» [19, t. IV, p. 483^{14–15}]. Отметим, что речь идет о достаточно крупном городе, в котором к рассматриваемому времени наверняка сложилась своя местная элита, вступившая во взаимодействие с личными амбициями Атталиота⁴. Несомненно, на углубление апостасии большое влияние оказало присутствие каталонцев в Малой Азии, поскольку сепаратистские устремления магнисийцев оказались сопряжены здесь с общим протестом против преступлений наемников в отношении местного населения, подкрепляемым отсутствием внятного решения проблемы со стороны центральной власти.

Время и место. Terminus ante quem апостасии Атталиота – май/начало июня 1304 г. (на основе аргументации: [16, p. 57sq.]), поскольку ко времени подхода войска каталонцев к городу он уже находился во главе магнисийцев. Судя по всему, в 1305 г. отложение Магнисии продолжалось (см. ниже). Локализация: регион Магнисии на северо-востоке Малой Азии.

Развитие конфликта и реакция власти. Захватом каталонского обоза магнисийцы навлекли на себя гнев де Флора, который осадил город, вероятно, в конце августа/начале сентября 1304 г. [19, t. IV, p. 483¹⁹–485⁹]. Осада продолжалась приблизительно до октября (на основе аргументации: [16, p. 60sq.]) и завершилась для каталонцев безуспешно. Наемники отступили от Магнисии только тогда, когда де Флор осознал, что не сможет взять город до зимы, и вскоре переправились в европейскую часть империи [19, t. IV, p. 527²⁰–529¹⁰].

В источнике отсутствует информация относительно того, как действия Атталиота были восприняты в Константинополе в начале апостасии. Что касается ее дальнейшего хода, в частности, конфронтации жителей Магнисии и каталонцев, сочинение Пахимера содержит лишь единичные данные. Нам известно, что Андроник II на протяжении всей осады отправлял письма де Флору, убеждая его прекратить войну с городом, поскольку «магнисийцы также (чит. «как и каталонцы» – П. Л.) были подданными империи» (εἶναι γὰρ καὶ Μαγνησιώτας ὑπηκόους τῇ βασιλείᾳ) [19, t. IV, p. 497^{7–12}]. После переправы каталонского войска на запад василевс сосредоточился на урегулировании отношений с наемниками и, очевидно, не уделял проблеме

сепаратизма Магнисии должного внимания. Это подтверждается словами Пахимера: «Это письмо (сообщившее о продолжении апостасии Атталиота. – П. Л.), с другой стороны, не слишком, как казалось, удручало василевса, ибо он неустанно радел о делах на западе» [19, t. IV, p. 629⁸⁻¹⁰].

Итоги и последствия. Атталиот упоминается в дальнейшем изложении труда Пахимера единожды ок. лета 1305 г. Историк указывает на то, что он «был провозглашен отложившимся, и прибывшее письмо доказывало его отложение» (ὁ Ἀτταλειώτης ἀποστατῶν ἐκηρύσσεται, καὶ γράμματα ἀφικνούμενα τὴν ἀποστασίαν ἐδήλου) [19, t. IV, p. 629⁷⁻⁸]. Очевидно, мы имеем дело с продолжением событий второй половины 1304 г. На этом сведения об Атталиоте и отложении магнисийцев в источнике обрываются. Возможно, город подпал под власть турок спустя какое-то время в качестве уже политически обособленной от империи территории (об истории города в XIV в. см.: [9, p. 46sq.]).

Данный эпизод показательно демонстрирует значительное ослабление в рассматриваемый период времени императорского контроля над отдаленными византийскими регионами в Малой Азии, находившимися к тому же под непрерывным военным натиском турецких бейликов. Сложившиеся условия располагали к произволу и безнаказанной узурпации власти на местах местной элитой, что мы увидели на примере фактического отложения от государства крупного византийского города. В конечном итоге действия магнисийцев привели к военной конфронтации с наемниками и вынудили василевса настаивать на прекращении конфликта и отведении их от города, в результате чего наиболее тяжелые последствия каталонского присутствия в Византии в конечном итоге ощутили на себе ее западные территории.

3. Погром в Константинополе.

Участники и движущие силы. Главная движущая сила конфликта – население Константинополя, называемое Пахимером нейтрально «народом», «толпой» (λαός) и – с явно выраженным негативным оттенком – «толпой», «скопищем» (ὄχλος). Предполагаем, что социальный состав движения был достаточно разнороден. Однозначно засвидетельствовано

участие в нем пришлого населения – беженцев с близлежащих территорий, подвергаемых нападениям каталонцев (см. ниже).

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография конфликта.* В историографии конфликта константинопольские события рассматривались обобщенно. Некоторые исследователи видели в нем протест населения города против неудачных политических решений василевса, ослабивших византийское государство и сделавших его беззащитным против каталонских набегов [37, p. 149; 29, p. 197]. А. Кондояннопулу, помимо этого, отмечала также в целом антикаталонский характер движения [44, σ. 84sq.]. Следует сказать, что представленные точки зрения, достаточно полно раскрывая природу явления, не учитывают ряд особенностей, присущих ему и сближающих его с другими конфликтами изучаемого времени (хотя определенные шаги в этом направлении уже были сделаны, см., к примеру: [11, p. 317sq.; 21, S. 147sq.]).

Терминология. Рассматриваемый конфликт характеризуется Пахимером посредством употребления множества разнообразных лексем: θόρυβος [19, t. IV, p. 581^{4,11}] («волнение», «смятение»), τοῦ λαοῦ ἀταξία [19, t. IV, p. 595²⁵] («народное расстройство»), στασιώδης ταραχή [19, t. IV, p. 597²⁶] («мятежное волнение»). То есть действия толпы представляются историку беспорядочными, хаотичными, лишеными организации. Этот вывод усиливается следующим примером: в одном месте Пахимер описывает происходящее как «беспорядочный порыв народа, способный в будущем возбудить к восстаниям» (ὄρμην ... ἀτακτοῦσαν λαοῦ, εἰς νεωτερισμοὺς ἐξεγερουμένην) [19, t. IV, p. 595²⁶⁻²⁷]. В этом контексте важно определить причины, повлиявшие на генезис конфликта, и выяснить, были ли действия участников движения сопряжены с достижением каких-либо конкретных целей.

Возникновение и развитие конфликта. Возникновение конфликтной ситуации было обусловлено нахождением в Константинополе нескольких десятков каталонцев, содержавшихся под арестом в доме некоего Рауля Пахия [35, no. 24140] (об этом ниже). Отметим, что все описанные события происходили после убийства лидера «компании» Рожера де Флора,

которое окончательно разрушило чрезвычайно неустойчивую систему византийско-каталонских отношений, выстроенную Андроником II, и привело к открытому вооруженному столкновению империи и наемников. В частности, в это время флот каталонцев под командованием Беренгера д'Энтенсы, бороздя Мраморное море, совершил первые набеги на Артаку, Кизик и о-в Проконнис и разорил Ираклию Фракийскую (Περίουθος), вырезав взрослое население крепости [19, t. IV, p. 577²⁶–579⁶] (ср.: [15, p. 403sq. = 39, p. 515]). Разоренное население прибрежных регионов стекалось в Константинополь под защиту стен, пополняя ряды беженцев с востока [19, t. IV, p. 579⁶⁻¹⁶]. По словам Пахимера, волнение в столице началось после того, как некие «пострадавшие» (οἱ παθόντες) воодушевили городскую толпу своими речами [19, t. IV, p. 581²⁻³]. Согласимся с мнением А. Файе [19, t. IV, p. 580, n. 17; 582, n. 26], что под «пострадавшими» и далее упомянутыми «прибывшими» (οἱ ἐπιστάντες) [19, t. IV, p. 583⁶⁻⁷] автором имеются в виду беженцы с окрестных регионов, терроризируемые каталонцами. Возможно, известие об уничтожении Ираклии, принесенное в Константинополь беженцами, стало сигналом к началу открытого выступления.

Помимо антикаталонских настроений, участники движения также выражали протест против бездействия императора. С самого начала городских волнений в толпе прозвучали требования, адресованные напрямую Андронику II: снарядить флот «по древнему обычаю ромеев» (κατὰ τὸ πάλαι Ῥωμαίοις σύνηθες) и организовать сопротивление каталонским набегам. Историк пишет, что в дело вмешался патриарх Афанасий I (1289–1293, 1303–1309), дважды попытавшийся успокоить восставших увещеваниями и обещаниями убедить василевса принять все необходимые меры для борьбы с каталонцами [19, t. IV, p. 581⁸⁻²⁰, 583²⁻⁵]. Слова патриарха не убедили толпу, которая в конечном итоге напала на дом упомянутого Рауля Пахия, сожгла его и всех наемников, находившихся внутри. После этого погромщики подвергли разорению и «другие дома», «особенно [дома] вельмож» (ἄλλαις οἰκίαις ... καὶ μάλιστα μεγιστάνων), поскольку в толпе распространился слух, что в них также укрывались каталонцы [19, t. IV,

p. 581²⁴⁻²; 583⁵⁻⁹] (ср.: [15, p. 406 = 39, p. 516]). Этот последний фрагмент – единственный в своем роде – может указывать в том числе и на социальный характер движения.

Отметим, что городской конфликт в Константинополе действительно характеризуется стихийностью, дезорганизованностью; нами не выявлены задачи его участников. Претензии к императору, прозвучавшие в преддверии конфронтации с каталонцами, не обрели какое-либо конкретное оформление и просто потонули в последовавшей за этим расправе над наемниками. Тот факт, что Пахимер не сообщает ни одного имени, может указывать на отсутствие у движения ярко выраженных лидеров, способных направить протест населения в нужное им русло. В дальнейшем изложении источник не сообщает ничего определенного относительно действий участников волнений. По своей сути константинопольский конфликт представлял собой погром, который в отсутствие четких целей и задач своих организаторов не смог перерасти во что-то более существенное и представляющее угрозу императорской власти.

Время и место. Конфликт начался в самом конце мая 1305 г. в Константинополе. Ввиду того что он был вызван нападением каталонского флота на Ираклию (28 мая 1305 г.), полагаем, что можно датировать его возникновение этим (или близким к нему) временем (по крайней мере, упомянутая дата является твердо установленным *terminus post quem* описанных событий)⁵. Время завершения конфликта определяется достаточно точно – это 11 июня 1305 г. (об этом ниже).

Реакция власти и урегулирование конфликта. Следует сказать, что император не бездействовал: с самого начала нападений каталонцев на прибрежные регионы он стремился заручиться поддержкой генуэзцев Перы [19, t. IV, p. 581²¹⁻²³]. Положение дел облегчил случай: 30 мая 1328 г. каталонцы д'Энтенсы столкнулись в море, близ Ригия, с шестнадцатью генуэзскими торговыми кораблями, следовавшими из Генуи, и 31 мая были разбиты в последовавшем столкновении [19, t. IV, p. 583¹⁰–585²⁸; 589⁸–591⁷] (ср.: [15, p. 408sq. = 39, p. 517sq.; 33, p. 227¹⁵⁻²¹]).

Что касается Константинополя, спокойная обстановка в городе сохранялась

в течение нескольких дней, и Андронику II даже пришлось ввести в столицу войско (στρατιωτικόν), чтобы избежать очередных вспышек насилия. Впрочем, обращения к оружию не потребовалось, поскольку василевсу удалось 11 июня договориться с «первыми из горожан» (τὸ πρῶτεῦον τῆς πολιτείας)⁶, приказав им поклясться не «производить среди них самих разногласие и раздор всякого рода» (πάντα δὲ διχονοίας τρόπον καὶ στάσεως μετ' αὐτοὺς ἐνεργεῖν) и со своей стороны оказывать сопротивление тем, кто «производил бы волнение» (θορυβοῖεν) [19, t. IV, p. 595²⁶–597², 597²⁶–599⁵]. Впрочем, конфликт, судя по всему, к этому времени оказался исчерпан сам по себе.

Итоги и последствия. После переговоров с «первыми из горожан» Андроник II приступил к мерам, имевшим целью предотвращение повторения подобных ситуаций в будущем. По всему городу его люди (βασιλικοί) принуждали местное население принести клятву, изложенную выше [19, t. IV, p. 599^{5–8}].

Как уже было сказано, константинопольское движение 1305 г., направленное против каталонцев, сопровождаемое даже критикой некоторых политических мер императора, тем не менее едва ли представляло из себя что-то большее, нежели стихийный погром, связанный с желанием отомстить неприятелям, запертым в городе. Впрочем, в условиях войны с каталонцами значимость любого социального волнения, безусловно, могла возрасти. Отметим, что вновь немалое влияние на генезис конфликта оказали пришлые элементы – беженцы, на этот раз из европейских регионов государства.

4. Заговор Иоанна Дримия.

Участники и движущие силы. Согласно нашим источникам, организатором заговора являлся священник⁷ Иоанн Дримий [35, no. 5830], который имел западное происхождение (эпирот?) [19, t. IV, p. 653⁸; 40, ep. 81, p. 208¹³⁵] (об этом см.: [37, p. 156, n. 91; 19, t. IV, p. 652, n. 14]). О социальном составе движения известно немного. Согласно письму Афанасия, сторонниками Дримия были «подгнившие из народа и враждебные империи и Богу» (ὑπόσθηρον ... καὶ δύσνον τῇ βασιλείᾳ ἐκ τοῦ λαοῦ, Θεῶ δέ) [40, ep. 81, p. 206^{86–87}]. В другом месте он говорит о некоем «спут-

нике» Дримия, «которого представила Мира Ликийская» (τὸν ἀκόλουθον, ὃν ἡ Μύρα Λυκίας προήνεγκεν) [40, ep. 81, p. 208^{139–140}]⁸. Кроме того, и Пахимер, и Афанасий указывают на участие в заговоре раскольников-арсенитов [19, t. IV, p. 653^{19–20}; 40, ep. 81, p. 206⁸⁷]⁹.

Возможные участники. И. Шевченко предположил, что арест и заключение византийского грамматика Мануила Мосхопула [35, no. 19373] были вызваны его связью с заговорщиками [37; 45, σ. 471–480]. Кроме того, с движением Дримия мог быть связан и некий Глика [35, no. 91690], обвиненный в заговоре против василевса¹⁰. Следует указать также и на возможное участие в рассматриваемых событиях восточных беженцев, присутствие которых зафиксировано во многих внутренних неурядицах изучаемого периода, территориально связанных с Константинополем (об этом см.: [1, с. 58сл.]).

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография и терминология.* В достаточно обширной литературе, посвященной конфликту, движение Дримия в разное время характеризовалось как «проласкаридское», осуществленное в поддержку свергнутой династии против сына узурпатора трона [6, с. 417–419; 37, p. 149; 18, p. 239; 42, σ. 126]. А. Лайу в данном вопросе заняла осторожную позицию, утверждая, что Дримий просто стремился использовать для своей выгоды еще существовавшие на тот момент в византийском обществе антипалеологовские настроения (trying to capitalize on the Pro-Lascarid, anti-Palaeologan feeling which still existed) [29, p. 197] (А. Кондояннопулу, кажется, разделила эту точку зрения: [43, σ. 222]). Безусловным для исследователей вопроса являлось зафиксированное источниками участие в заговоре арсенитов (см. раздел *Историография темы*). Несмотря на последний факт, некоторые ученые считали необходимым подчеркнуть, что по своему характеру движение было *политическим*, поскольку заговорщики нацеливались на свержение императора; исключительно политическими являлись и мотивы участвовавших в нем раскольников [6, с. 418–420; 42, σ. 126]. Напротив, Н.Д. Барабанов утверждал, что заговор Дримия вырос в церковной среде, а заговорщики стремились лишить трона не только императора, но и патриарха [1, с. 58сл.].

В историографии исследуемый конфликт чаще всего характеризовался как «заговор» (ср.: англ. plot, conspiracy, фр. conspiracy, conjuration, complot, нем. Verschwörung, Komplott, греч. συνωμοσία) [1, с. 58, 59; 2, с. 21; 37, р. 149; 40, р. 403; 11, р. 320; 30, р. 243; 31, р. 430, 431, no. 1636; 18; 41, р. 164; 35, no. 5083; 21, S. 148; 45; 43, σ. 222]. Некоторые ученые употребляли более радикальные термины. К примеру, И.Е. Троицкий усмотрел в действиях Дримия и его сообщников «революционную попытку» [6, с. 416]. А. Лайу назвала движение «восстанием» (revolt) [29, р. 197]. Н.Д. Барабанов употребил в отношении него, помимо т. «заговор», также т. «выступление» [1]. А.А. Пржегорлинский указал на то, что это был «мятеж» [5, с. 91]. Наконец, П. Гунаридис охарактеризовал указанное движение как πολιτική ἐξέγερση, «политическое восстание», при этом почему-то окрестив его «последним малоазийским» [42, σ. 126]. На наш взгляд, важно с самого начала определиться с используемой терминологией, поскольку это имеет большое значение в контексте понимания сути предмета исследования. В дальнейшем мы будем употреблять в отношении действий Дримия исключительно термин «заговор», поскольку они были раскрыты до того момента, как он и его сообщники смогли открыто проявить себя.

Отметим, что в терминологическом отношении Пахимер охарактеризовал деятельность заговорщиков единожды, сказав, что «[Дримий] обольщал многих и не колебался, руководя отложением от василевса» (ὑπήρχετο τοὺς πολλοὺς καὶ τὴν ἐκ βασιλείας ἀποστασίαν οἰκονομῶν οὐκ ἀπόκνει) [19, t. IV, р. 653¹¹⁻¹²]. О лексеме ἀποστασία уже было сказано выше. Здесь оно употреблено в том же смысле – «отпадение от власти василевса». Несмотря на то, что заговор, как мы уже сказали, не обрел конкретное воплощение в виде открытого восстания, характер действий его организаторов, нацеленных на насильственную смену власти, сам по себе являлся достаточным основанием для историка, чтобы употребить данный термин в его отношении. Интересно, что Афанасий в письме к императору употребил ту же самую лексему, упомянув, что Дримий доверил сообщникам «замыслы своего обмана и отложения» (τὰ τῆς πλάνης¹¹ αὐτοῦ καὶ ἀποστασίας) [40, ер. 81, р. 203⁶³⁻⁶⁴].

Источники. Труд Пахимера, содержащий информацию, необходимую для реконструкции обстоятельств заговора, дополняет современное этим событиям (о датировке: [40, р. 403; 31, р. 429, no. 1636]) пространное послание к Андронику II патриарха Константинопольского Афанасия I [40, ер. 81], посредством которого тот передавал императору решение синода относительно лишения Дримия священнического звания и отлучения его от церкви. Изложение письма, перегруженное сложно интерпретируемыми словесными оборотами и художественными приемами, тем не менее подтверждает и во многом расширяет наши сведения о рассматриваемом движении.

Возникновение и развитие движения. Согласно письму Афанасия, в какое-то время до описываемых нашими источниками событий Иоанн Дримий прибыл в Константинополь, добился расположения Андроника II, выдав себя за священника, и, судя по всему, обеспечил себе доступ к императорскому двору [40, ер. 81, р. 202³¹–204⁴²]. По сути, этим сообщением ограничивается вся информация, которая нам известна о Дримии до начала его деятельности. Конкретные причины формирования заговора и мотивы его участников ни Афанасием, ни Пахимером не указываются. В общем контексте кажется вполне объяснимым, что в условиях военно-политического кризиса, который империя переживала с начала войны с каталонскими наемниками, внутри византийского общества активизировались разнородные социальные элементы, настроенные оппозиционно правлению Андроника II. Напомним, что незадолго до описываемых событий Константинополь пережил волну погромов, вызванную разорением каталонцами окрестных территорий, которая, впрочем, в отсутствие организации, не смогла обрести конкретного оформления и стать реальной угрозой власти василевса. В данном случае мы видим, что нестабильностью внутри столицы попытались воспользоваться иные силы, в числе которых указываются, к примеру, арсениты, сторонники движения, традиционно имевшего антипалеологовскую направленность.

Вероятно, в том числе для того чтобы привлечь арсенитов к заговору и заручиться их поддержкой, Дримий выдал себя за пред-

ставителя свергнутой Палеологами династии Ласкарисов [19, t. IV, p. 653¹⁰⁻¹¹; 40, ep. 81, p. 204⁴⁹⁻⁵⁰] ¹². Тем не менее роль этой силы в движении неясна. Наши источники весьма скупы в данном отношении. Пахимер, к примеру, вводит в повествование арсенитов с определенной долей сомнения: «Так как показалось, что схизматики *каким-то образом и отчасти* принимали участие в тех замыслах...» (δόξαντας δέ τι κἄν μέρει τοὺς σχιζομένους μετέχειν ἐκείνων τῶν βουλευμάτων) [19, t. IV, p. 653¹⁹⁻²⁰]. Афанасий упоминает о них единожды, но при этом прибавляя, что Дримий «прежде и более» (πρότερον καὶ μᾶλλον) «усердно постарался ... смутить и свергнуть в пучину вероломства» (κατασπύσαντος ... διαταράξαι καὶ καταδύσαι πρὸς ἀπιστίας) именно раскольников [40, ep. 81, p. 206⁸⁷] ¹³. На основе представленной выше информации следует с уверенностью заключить лишь то, что заговорщик обращался к арсенитам за поддержкой, однако же относительно их реального участия в заговоре еще остаются вопросы.

Сомнений степени вовлеченности схизматиков в движение добавляет также следующая деталь, вновь отмеченная обоими авторами. Из сочинения Пахимера известно, что в ходе заговора его участники для реализации своих намерений пытались заручиться поддержкой каталонской дружины [19, t. IV, p. 653¹²⁻¹³]. Это подтверждается письмом патриарха Афанасия, где, помимо каталонцев, в качестве возможных союзников заговорщиков отмечены еще и турки и болгары ¹⁴. Отметим, что некоторые исследователи подвергали сомнению справедливость указанных обвинений, рассматривая их в качестве решительного шага императора к дискредитации и подавлению оппозиции, в частности, арсенитов [37, p. 149, 156, n. 100]. Еще И.Е. Троицкий отмечал парадоксальный факт, что раскольники, с самого начала зарождения своего течения враждебно настроенные к латинянам, внезапно решили воспользоваться их поддержкой [6, с. 421сл.]. Конечно, не следует пренебрегать тем обстоятельством, что цель – а именно свержение императора – в конкретном случае могла оправдывать используемые для ее достижения средства. Тем не менее необходимо понимать и то, что факт предполагаемого участия в движении арсенитов и связи заго-

ворщиков с каталонцами был крайне выгоден императору и патриарху, стремившихся закончить войну с раскольниками и замирить церковь и общество. Наконец, обстоятельство связи сторонников Дримия с каталонцами нам видится противоречивым по своей сути, если принять во внимание господствовавшие в то время в константинопольском обществе антикаталонские настроения. Несмотря на то, что мы не знаем практически ничего о социальном составе участников заговора, можно предположить, что он был достаточно разнороден и включал в себя в том числе и наиболее неспокойные маргинальные элементы, которые не так давно спровоцировали расправу с немниками, запертыми в городе.

Относительно конкретных задач участников заговора известно немного. Судя по всему, их главной целью, как уже говорилось выше, было свержение Андроника II. На это прямо указывает Афанасий, характеризуя Дримия как «стремящегося к императорской власти (βασιλειῶντος) на ничуть не справедливом основании своего происхождения (γένους) (напомним, что заговорщик выдавал себя за потомка династии Ласкарисов. – П. Л.) или характера» [40, ep. 81, p. 206⁸²] (о лексеме βασιλειῶν: [7, p. 309, s.v.; 38, p. 301, s.v.]). Смена власти обещала также изменения и во внутреннем положении государства, скорое окончание каталонской смуты, на основании чего в заговор могли втягиваться широкие социальные слои.

Таким образом, в отсутствие каких-либо других сведений движение Дримия возможно представить в целом как попытку государственного переворота с целью смещения правящей династии. Одновременно указанные события демонстрируют проявление феномена самозванчества, во все времена возникавшего обыкновенно в кризисные периоды истории государств, в условиях неудовлетворенности общества людьми, находившимися у власти. В контексте обстоятельств, в которых происходил генезис движения Дримия, возникновение этого феномена вполне объяснимо.

Время и место. Датировка рассматриваемых событий в историографии носит спорный характер. Она основывается на сообщении Пахимера, что монахи-арсениты, обвиненные в участии в движении Дримия, были

переселены из монастыря Моселе (Μωσελέ) «во время зимы и стужи» (καὶ τοῦ χειμῶνος καὶ κρύου) [19, t. IV, p. 653²²]. Очевидно, историком имеется в виду зима 1305/6 гг., на что указывает общая хронология изложения событий 13-й книги. Следовательно, формирование заговора следует поместить в какое-то время до зимы 1305/1306 гг. (полагаем, дату начала каталонского восстания – 30 апреля 1305 г. (дата убийства Рожера де Флора) – можно установить как его очевидный *terminus ante quem*). Придерживаемся в данном случае устойчивой точки зрения [37, p. 149; 29, p. 197; 45, с. 466; 43, с. 222]¹⁵. Место действия – Константинополь¹⁶.

Реакция власти и завершение конфликта. Заговор был раскрыт, арсенитов изгнали из монастыря Моселе и в целом из Константинополя, а сам Дримий, лишенный на синоде священнического звания [40, с. 81, p. 208^{134–135}], предстал перед судом и подвергся заключению [19, t. IV, p. 653^{17–22}].

Итоги и последствия. Отметим, что значение движения Дримия в историографии несколько преувеличены. Оно, безусловно, представляло опасность для императора, поскольку возникло в столице и с самого начала носило характер тайного сговора, направленного на свержение правящей династии. Так или иначе, до «наиболее значительного внутреннего вызова власти Андроника II в Константинополе», как характеризовала заговор А. Лайу [29, p. 197], ему не хватило главного компонента – реализации. Движение Дримия представляло собой неудачную попытку государственного переворота, которая была раскрыта и пресечена до своего фактического воплощения. Вывод об ограниченном значении указанного конфликта в целом подтверждает объем информации о нем, содержащийся в обыкновенно надежном и обстоятельном сочинении Пахимера. Несмотря на то, что историк, по всей вероятности, являлся очевидцем событий, связанных с движением Дримия, в своем труде он уделил ему всего часть главы и 13 строк¹⁷ (для сравнения: восстанию под руководством Алексея Филантропина, сведения о котором Пахимер получал из чужих рук, он посвятил 4 полных главы и 325 строк). Исходя из этого, реальный масштаб заговора и степень охвата им константинопольского

населения также представляются нам весьма ограниченными.

5. Заговор Феррана д'Онеса и Мизакиса.

Участники и движущие силы. Ферран д'Онес (Ferran Daunes у Мунтанера, Φαρεντ' Ἀνέζας у Пахимера) – один из лидеров каталонской дружины, ранее был отмечен титулом адмирала (амиралия, ἀμειραλῆς) [19, t. IV, p. 461^{31–34}; 15, p. 385^{25–28} = 39, p. 489] (о нем: [17; 35, no. 29632]). С началом каталонского восстания он перешел на сторону Андроника II, но вскоре был уличен в том, что тайно собирался вывезти из Константинополя находившихся там каталонцев. В результате этого д'Онес подвергся аресту и заключению [19, t. IV, p. 579^{18–30}]. Спустя какое-то время он, вероятно, был освобожден и удостоен звания доместика схол. Мизакис (Μιζάκης) (или Феодор Дука Музакий (Μουζάκιος) [35, no. 19428; 34, p. 148, no. 128 (не отождествлен с Мизакисом Пахимера)]) – военачальник, носил титул эпитату страту. Имел западное происхождение (эпирот?). Другие участники заговора (если они были) не упомянуты.

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография и терминология конфликта.* В историографии конфликта возобладала точка зрения, что д'Онес и Мизакис действовали не самостоятельно, а лишь присоединились к формировавшемуся в то же самое время заговору Иоанна Дримия [29, p. 197sq.; 45, с. 461, 465–467; 35, no. 29632]. На это, на первый взгляд, указывает сообщение Пахимера, который сюжетно и хронологически объединил два события. Тем не менее А. Файе удалось убедительно доказать, что движение Дримия и исследуемый заговор следует рассматривать как два разных конфликта, возникших, вероятно, независимо друг от друга. На это, согласно мнению французского ученого, явным образом указывает имеющаяся в тексте Пахимера оппозиция «с одной стороны» ... «с другой стороны» (ἕνθεν ... ἐκεῖθεν), разделяющая сообщения о действиях двух групп заговорщиков [18, p. 238sq.]. Вслед за А. Файе два конфликта разделил Д. Ангелов [11, p. 317].

Деятельность заговорщиков Пахимер охарактеризовал посредством единственной лексемы: по его словам, они «вместе плели какие-то многие замыслы против ромеев» (πολλά τινα κατὰ Ῥωμαίων ξυνέροαπτον)

[19, t. IV, p. 653¹⁶]. А. Файе и Д. Ангелов в разное время называли движение д'Онеса и Мизакиса «восстанием», «мятежом» (фр. *rébellion, révolte*, англ. *rebellion*) [17, p. 331; 18, p. 239; 11, p. 317], несмотря на то, о чем будет сказано ниже, дальше «многих замыслов» дело не продвинулось. Таким образом, мы считаем т. «заговор» наиболее подходящим для обозначения данного конфликта.

Возникновение и развитие конфликта.

В единственном источнике по данному конфликту – сочинении Пахимера – ему уделено всего 7 строк (в издании А. Файе). Сообщение ограничено упоминанием действующих лиц, формировавших заговор, а также фактом, который разоблачает их стремление соединиться с каталонцами: по словам историка, д'Онес и Мизакис связывались с рутьерами, «из всех сил разжигая борьбу» [19, t. IV, p. 653¹⁶⁻¹⁷].

Отметим, что причины конфликта недостаточно ясны. Предшествующие события, связанные с д'Онесом, уже продемонстрировали, что он не потерял связь со своими соотечественниками, которых тогда пытался вывезти из столицы. Что касается второго, Мизакиса, его мотивы неизвестны, но могут быть поняты в общем контексте обстоятельств, сложившихся в империи в рассматриваемый период времени. Политическая лояльность византийской военной элиты во все времена была крайне непрочной и нестабильной: об этом красноречиво свидетельствует количество различных конфликтов, в которых так или иначе приняли участие ее представители. Чаще всего они были обусловлены сочетанием объективных обстоятельств и личных амбиций военачальников, стремившихся извлечь из них выгоду. Любое внутри- или внешнеполитическое потрясение, которое испытывало государство, неизбежно приводило к активизации антивластной деятельности представителей этой социальной группы. Турецкое завоевание, а затем каталонское восстание, спровоцировавшее мощный военно-политический кризис в империи, как раз выступили в роли такого катализатора, значительно подорвав авторитет власти и обнажив ее беспомощность в организации обороны государства. В данном случае Мизакис посредством тесной связи с д'Онесом, по всей видимости, стремился извлечь выгоду из захвата каталонцами империи,

к чему побуждали их заговорщики, обеспечив себе лояльность вождей «компании».

Время и место. Как уже было сказано, Пахимер поместил этот конфликт в контекст другого заговора, по-видимому, одновременного ему – движения Иоанна Дримия. Ранее мы говорили, что датируем разгром «дримитов» зимой 1305/6 гг., следовательно, разоблачение заговора д'Онеса и Мизакиса также необходимо поместить на это время (о времени генезиса конфликта см. там же)¹⁸. Местом действия, вероятно, также являлся Константинополь, хотя прямые доказательства этого в тексте отсутствуют.

Реакция власти и завершение конфликта. Заговор был раскрыт, д'Онес и Мизакис арестованы, осуждены и подвергнуты тюремному заключению [19, t. IV, p. 653¹⁷⁻¹⁹].

Итоги и последствия. Заговор не был реализован, поэтому его последствия (которые, учитывая контакты заговорщиков с каталонцами, могли быть достаточно серьезными) удалось предотвратить. Заметим, что сам по себе конфликт, не получивший дальнейшего развития и не имевший поэтому большого значения, тем не менее представляет собой один из интересных примеров византийской коллаборации с врагом в исследуемый период времени и одновременно расширяет наши представления о некоторых нюансах взаимоотношений определенных социальных групп и власти в Византии в условиях разрушительного каталонского восстания.

6. «Попытка апостасии» Кассиана.

Участники и движущие силы.

Кас(с)иан – крупный византийский военачальник, отмеченный титулом великого приммикирия [35, no. 11346]. Упомянут как γαμβρός старшего императора. Ближайший советник последнего, эпи ту каниклиу Никифор Хумн, назван историком как συμπλέθερος Кассиана [35, no. 30961]¹⁹. В составе войска младшего императора Михаила IX участвовал в сражениях с каталонцами во Фракии весной/летом 1305 г. [19, t. IV, p. 573⁸⁻⁹, 593³⁻⁴, 599²⁰⁻²²]. После этого был назначен василевсом управляющим областью Месофинии (τὰ μέρη τῆς Μεσοθινίας) [19, t. IV, p. 6812–5]. Помимо него, среди участников движения упоминаются местные солдаты (λαὸς στρατιωτικός), количество которых историком не уточняется.

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография и терминология.* В историографии конфликта в качестве его центрального обстоятельства многими исследователями рассматривался факт (ложно-го?) обвинения Кассиана в связи с турками [44, с. 199; 11, р. 121; 21, S. 160; 25, р. 28sq.; 27, р. 172]. Тем не менее текст Пахимера, кажется, не указывает на то, что движение великого приммикирия являлось прямым следствием этого обвинения. Скорее напротив, гнев Андроника II был вызван не доносом на Кассиана, а его противоправными действиями в отношении отправленного в Месофонию сборщика налогов (об этом ниже). Мы уже упоминали выше, что император не всегда доверял различным обвинениям в адрес тех или иных должностных лиц; в данном случае отсутствие немедленного ответа со стороны василевса на донос на Кассиана должно подтверждать этот довод.

Существуют и иные точки зрения на рассматриваемый конфликт. К примеру, А. Лайу увидела в нем реакцию населения истощенной Малой Азии на попытку сбора налогов со стороны центра [29, р. 187sq.]. М. Бартусис, повторив мнение А. Лайу, добавил, что «многие из налоговых поступлений из Малой Азии узурпировались локальными магнатами» [13, р. 79sq.]. Главный недостаток таких интерпретаций конфликта заключается в том, что они совершенно игнорируют субъективный фактор, который, несомненно, был центральным в генезисе рассматриваемого движения.

Что касается терминологического обозначения конфликта, некоторые ученые сходились на мысли, что он представлял собой «восстание», «мятеж» (англ. *revolt*) [29, р. 187; 13, р. 79; 24]. Другие исследователи, очевидно, ставя под сомнение реальный факт инициирования конфликта Кассианом, квалифицировали его действия как «(государственную) измену» (нем. *Hochverrat, Verrat*) [35, no. 11346; 21, S. 160] или «заговор» (англ. *conspiracy*) [11, р. 121] в контексте обвинений, последовавших в его адрес. С. Кириакидис в отдельной работе, посвященной движению, очевидно, так и не определился с его характеристикой, что подтверждает следующая данная им формулировка: *the conspiracy of Kassianos was a small-scale rebellion (sic!)* [27, р. 177].

Отметим, что Пахимер, труд которого в очередной раз является единственным нашим источником по исследуемому конфликту, по ходу всего изложения событий, связанных с Кассианом, не присвоил им никакого терминологического обозначения. Лишь один раз он употребил известную нам лексему *ἀποστασία*, впрочем, не в контексте действий, уже совершенных великим приммикирием, а говоря о возможном, будущем варианте их развития. Согласно, историку, Кассиан, находясь в то время в крепости Хили (см. ниже), написал Никифору Хумну, пытаясь добиться через него императорского прощения и «сверх того еще и угрожая схожим и таким же отложением, что и (отложение) Котаница» (*ὁμοίαν ἀποστασίαν καὶ τὴν αὐτὴν τῷ Κωτανίτζῃ ... προσαπειλούμενος*) [19, t. IV, р. 681²⁵⁻²⁷].

Котаниц Торник(ий) [35, no. 13317] – известный авантюрист в правление двух первых Палеологов, в конце XIII в. неоднократно опустошавший территории империи в составе сербских войск. Судя по его номену, он принадлежал к крупному византийскому роду Торников. О ранних годах жизни Котаница неизвестно ничего; ок. 1280 г. он появляется в труде Пахимера уже «отложившимся от василевса» (*ἀποστατήσαντι βασιλέως*) и бежавшим к сербам [19, t. II, р. 599²¹⁻²²]. По всей видимости, в данном случае историк употребил лексему «апостасия» в общем значении измены, нарушения клятвы верности императору, поскольку ни о каком восстании или тем более акте сепаратизма здесь не идет и речи. Таким образом Пахимер как бы сравнил будущие действия Кассиана, уже подозревавшегося ранее в связи с турками, с конкретным фактом государственной измены, совершенной Котаницем. Тем не менее, полагаем, угрозы великого приммикирия (как и его сношения с турками) едва ли имели под собой реальную основу. Посредством них он стремился оказать давление на Андроника II, чтобы избежать тюремного заключения или насильственного наказания, а также продемонстрировать, что он по-прежнему верен императору, поскольку фактически *еще не совершил* апостасию.

Возникновение и развитие конфликта. По словам Пахимера, через некоторое время после своего назначения Кассиан нанес телесные

повреждения некоему Вардалю (Βαρδαλῆς)²⁰, который ранее обвинил его перед василевсом в стремлении заключить брачный союз с «персом» (вероятно, Османом, см.: [11, p. 121; 25, p. 29; 27, p. 172]) и направить их совместные усилия на борьбу против Византии. Вардаль был направлен в Месофонию, для того чтобы «собрать обычные налоги с собственников» (φόρους ἐκλέγειν ἐκ τῶν κτηματικῶν τοὺς συνήθεις), которые пошли бы «на жалование тамошним солдатам» (τῶ ἐκεῖ στρατιωτικῶ εἰς μισθοῦς) [19, t. IV, p. 681⁶⁻⁷]. Поскольку характер полномочий Кассиана в Месофонии остается неясным, можно лишь предполагать, что он не обладал некоторыми фискальными функциями. В противном случае затруднительно объяснить существование в феме особого налогового чиновника (очевидно, речь идет о простом налоговом агенте, ἐνεργῶν, в это время обычно состоявшем в штате дуки фемы [9, p. 125–127]), подчинявшегося напрямую императору. Это отчасти может объяснить конфликт, возникший между Кассианом и Вардалем, не только обстоятельством личной вражды, но и попыткой первого узурпировать налоговые функции во вверенной ему провинции.

Узнав о насилии в отношении Вардаля, император приказал Кассиану явиться в столицу. Последний, опасаясь наказания за свои действия, «взяв в спутники солдат», оставил пост и заперся в причерноморской крепости Хили (Χηλή) [19, t. IV, p. 681¹²⁻¹⁶]. Отметим, что мотивы участия в конфликте каких-то местных солдат неопределенны, но, вполне вероятно, могут быть объяснены, исходя из общего контекста рассматриваемых событий. Очевидное ослабление государственного контроля над малоазийскими областями империи и серьезные экономические проблемы, которые испытывала Византия в условиях продолжавшегося каталонского восстания, несомненно, были сопряжены с нарушением выплаты (или сокращением размера) регулярного жалования солдатам в провинциях. Такие затруднения возникали и ранее, в более спокойные промежутки правления Андроника II, и зачастую приводили к конфронтации между властью и армией (см., к примеру (в контексте восстания под руководством Филанфропина): [19, t. III, p. 241²²⁻²⁸]). Впрочем, эти обстоятельства, в целом объясняя факт

присутствия солдат среди участников движения Кассиана, едва ли нашли отражение в его характере. Во всяком случае, неясно, чего они хотели добиться своими действиями, неизвестны их требования к власти, сделанные самостоятельно или же через посредство их лидера. Привлечение к движению солдат было связано со стремлением Кассиана обеспечить себе защиту и, возможно, придать вес своим действиям. Великий приммикий являлся не стремился еще более обострять сложившуюся ситуацию и добивался помилования (хотя и в ультимативной форме), что красноречиво свидетельствует в пользу истинной сущности рассматриваемого конфликта.

На наш взгляд, действия великого приммикия являлись ничем иным, как актом неповиновения власти императора со стороны должностного лица, которому предшествовал конфликт между двумя византийскими служащими, возможно, вызванный, помимо личных обстоятельств, также попыткой одного из них незаконно расширить свои полномочия во вверенном ему регионе. В совокупности со всеми составляющими движение Кассиана дополняет общую картину упадка системы государственного управления отдаленными восточными провинциями Византии, сопряженного со злоупотреблениями на местах, узурпированием власти и сепаратистскими тенденциями.

Время и место. Событие относится, вероятно, к 1306 г., на что указывает общая хронология событий, изложенных Пахимером в 13-й книге. Более точная локализация едва ли представляется возможной ввиду недостатка данных. Место действия – крайняя северо-западная часть Малой Азии, регион Месофонии.

Реакция власти и завершение конфликта. Спустя какое-то время после бегства Кассиана в Хили он был тайно схвачен жителями города (Χηλιταῖ τινες), оказавшимися, таким образом, верными императору, и выведен в столицу прибывшим для этой цели придворным евнухом. В конечном итоге великий приммикий был осужден и заключен в тюрьму [19, t. IV, p. 681¹⁷⁻²⁵].

Итоги и последствия. Завершая изложение событий, связанных с Кассианом, Пахимер высказал свои мысли на этот счет, указав на то, что император «был наказан лишением (букв.,

ζημιωθείς) лучшего из своих полководцев» [19, t. IV, p. 681²⁷⁻²⁸]. Этот явный патетический прием, который, скорее всего, не имел ничего общего с действительностью, использован здесь автором, вероятно, с целью придать значимость данному эпизоду и в очередной раз посетовать на бедственное положение, в котором находилось византийское государство. Сам по себе конфликт носил ограниченный, узколокальный характер. Так или иначе, очередная неудачная попытка Андроника II наладить контроль над восточными регионами, еще находившимися под властью Византии, безусловно, имела известные последствия для империи, вскоре оказавшейся неспособной поддерживать обороноспособность Малой Азии и тем самым сопротивляться турецкому завоеванию.

7. Заговор в поддержку Карла Валуа.

Участники и движущие силы. По именам известны пять участников заговора. Трое из них являлись представителями аристократии – Иоанн [35, no. 19302] (о нем также: [10]) и Константин Мономах и Константин Дука Лимбидарий (греч. Λημπίδαρις, лат. Lymbidarīs) [34, p. 140, no. 117; 35, no. 14940]²¹, еще двое были священнослужителями – иеромонах Софроний [35, no. 27354] и бывший митрополит Адрианополя Феоктист [35, no. 7492], смещенный с поста в 1283 г. за свою униатскую позицию. В послании к Карлу Валуа [35, no. 11234], на чью помощь стремились опереться заговорщики для реализации своих планов, Иоанн Мономах писал, очевидно, намекая на своих влиятельных сообщников, что в империи имелись некие *maiores*, которые были готовы присоединиться к адресату, но не демонстрировали это открыто, боясь разоблачения [29, let. 1, p. 344²⁸⁻²⁹]²². Кроме того, и Мономах, и Лимбидарий в переписке с Валуа указывали на другие силы, которые могли поддержать заговорщиков в их замыслах. Так, первый сообщал Карлу, что вместе с ним в Фессалоники, где он исправлял обязанности начальника крепости (*capitaneus ipsius fortificie*), находились «многие восточные беженцы, опечаленные скорбями о своих областях» (*sunt multi orientales mecum fugati de partibus suis doloribus afflicti*) [29, let. 1, p. 343³⁶⁻³⁸]. В другом письме²³ Лимбидарий обещал адресату: «столь многие восточные (жители) находятся внутри

[Константинополя. – П. Л.], что мы, таким образом, переправимся [через Босфор. – П. Л.]²⁴ и предоставим тебе его как нашему естественному правителю» (*τοσοῦτοι ἀνατοληκοὶ εὐρισκῶνται ἀπέσω ὅτη καὶ ἐκείνη καὶ ἡμοῖς νὰ περάσωμεν καὶ νὰ σε τὴν παραδοσωμεν ὡς γονηκὸν μας αὐθέντην*) [32, let. 2, p. 84²⁷⁻²⁹] (ср.: *tot de Orientalibus inveniuntur in Constantinopoli, et transfretabimus nos sic quod jam recommendabimus tibi sicut nostro domino naturali* [32, let. 2, p. 85²⁰⁻²²]). Отметим, что среди этих беженцев, в которых заговорщики видели социальную базу дальнейшего восстания, могли находиться как солдаты (в частности, в гарнизоне Фессалоники), так и мирные жители, наводнившие улицы Константинополя и его окрестности накануне прибытия каталонцев.

Содержание и обстоятельства конфликта. *Историография и терминология конфликта.* В историографии конфликта обращение заговорщиков за помощью к Валуа в целом рассматривалось как вынужденная мера, предпринятая ими в условиях отсутствия со стороны власти реального противодействия турецким атакам на востоке. Фигура Карла казалась им наиболее подходящей в этом отношении, поскольку тот благодаря выгодному бракосочетанию с титулярной императрицей Константинополя Катериной де Куртенэ [35, no. 444] (1301) получил права на византийский престол²⁵. Посредством признания его императором заговорщики надеялись обеспечить оборону Малой Азии, с которой многие из них (представители аристократии) были связаны в том числе экономически, и спасти от турок то небольшое, что еще оставалось тогда в руках у византийцев (см., к примеру: [14, p. 760; 29, p. 217sq.; 11, p. 320]). А. Лайу, наиболее подробно исследовавшая указанный вопрос, предположила также, что участники заговора могли разделять проласкаридские или арсенитские настроения [29, p. 218], что, впрочем, само по себе умозрительно и не подтверждается источниками.

Ввиду того что практически все наши источники по рассматриваемому движению – личного происхождения, они не содержат какого-либо терминологического обозначения деятельности их авторов. В историографии конфликта в отношении его употреблялись

различные термины, но близкие по значению. А. Лайу охарактеризовала его как «провалуаское движение» (pro-Valois movement), а его участников – как «коллораборационистов» (collaborators) [29, p. 212 etc., 218]. Остальные ученые, чьи работы привлекались нами по данному вопросу, в целом сходились на обозначении конфликта как «заговора» (фр. complot, conspiracy) [10, p. 10sq. (также с припиской provaloisien/ne)] и его инициаторов – как «заговорщиков» (англ. conspirators, plotters) [14, p. 761; 11, p. 320]. Поскольку у нас нет объективных причин предлагать какой-то иной термин, следуем утвердившемуся мнению.

Источники. Рассматриваемый конфликт избежал внимания авторов нарративных сочинений. Наши источники ограничиваются пятью письмами участников заговора: два из них принадлежат авторству Иоанна Мономаха (Карлу Валуа [29, let. 1] и Катерине де Куртене [32, let. 1]), два написаны Константином Лимбидарием (Карлу [29, let. 2] и Катерине [32, let. 2]) и одно – иеромонахом Софронием (Карлу [32, let. 3]). Два письма (Мономаха – Катерине и Лимбидария – Карлу) сохранились в копиях на двух языках – на разговорном греческом и латыни, еще два (Мономаха – Карлу и Лимбидария – Катерине) – только на латыни, письмо Софония – на литературном греческом и латыни. Все письма, судя по всему, относятся к одному и тому же времени и были написаны, вероятно, в 1307 г. [29, p. 341]. Кроме того, сохранился любопытный отчет о расходах Карла на старофранцузском языке, охватывающий период с 1305 по 1310 гг. и многократно упоминающий экспедицию в Византию французского рыцаря Тибо де Сепуа, фактически возглавившего в 1307 г. от лица Валуа каталонскую дружину [32]. Для исследования конфликта этот источник интересен, прежде всего, упоминанием нескольких его участников в прямой связи с деятельностью Карла в империи.

Возникновение и развитие конфликта. В отсутствие данных нарративных источников про деятельность заговорщиков известно немного. Как уже было сказано, мы знаем, что три участника заговора (Иоанн Момах, Лимбидарий и Софоний) отправили Карлу и его супруге письма, посредством которых они заверяли его в своей преданности. Ис-

ходя из содержания посланий, можно сделать вывод, что это было сделано одновременно. Очевидно, они передали их через Филиппо Марчиано (греч. Φίλιππος Μαρκιάνος, лат. Philippus Marchianus) [35, no. 17005] и Маттео Бальбо (греч. Ματθαῖος Μπάλμπος, лат. Matheus Balbus) [35, no. 19625], которые упоминаются по именам в четырех письмах [29, let. 1, p. 342³⁻⁵; 32, let. 1, p. 82⁶⁻⁹; 83⁵⁻⁷; 29, let. 2, p. 343⁴⁻⁵; 32, let. 2, p. 83⁵⁻⁸, 84⁴⁻⁶], а также в послании Софония, где они остались безымянными [32, let. 3, p. 86²⁷⁻³⁴]. Неясно, кем являлись эти посланники от заговорщиков. А. Лайу предположила, что они были агентами Карла в Византии [29, p. 215], что представляется спорным утверждением. Во всяком случае, именно на них лежала задача известить Валуа о планах его корреспондентов и о готовности некоторых влиятельных византийцев присоединиться к нему в случае его вторжения в империю. Вместе с Марчиано и Бальбо во Францию был отправлен также брат Иоанна – Константин, как об этом сообщает одно из писем: «И в качестве прилагаемого ручательства я отправляю с ними моего брата Константина Мономаха» (et pro fide adhibenda misi cum eis fratrem meum Constantinum Monomachum) [29, let. 1, p. 342²¹⁻²²]. Последний известен лишь по этому письму и несколькими упоминаниям в отчете о расходах Карла, где сообщается, что он был отправлен вместе с Марчиано (Philippe le Grec), а также двумя французскими дворянами – Симоном де Норье и Симоном де Фремекурром – ок. 21 марта 1308 г. к Тибо де Сепуа в Византию [32, p. 74]. Расходы на возвращение les Griex в империю (en leur pais) граф Валуа взял на себя [32, p. 76]. Из этих сообщений можно сделать вывод, что Карл отреагировал на письма заговорщиков, но неизвестно, как именно. А. Лайу предложила, что он, вероятно, попытался убедить каталонцев осадить Фессалоники, что они в итоге вскоре и сделали (впрочем, без успеха) [29, p. 214], однако доказать это невозможно. В указанном документе фигурирует также пятый (предполагаемый) заговорщик – Фектист (l'arcevesque d'Andrenople), о котором сказано, что он находился в течение 25 недель (с 10 октября 1309 г. по 28 марта 1310 г.) в Париже и при отъезде получил от Карла компенсацию всех своих расходов (pour deniers,

pour robes, chevaus et harnoys) [32, p. 77]. Цели пребывания Феоктиста во Франции остаются неизвестными. Учитывая незначительное количество информации о его путешествии, связь архиепископа с заговорщиками точно не установлена, хотя для А. Лайу она представлялась несомненной; учитывая униатское прошлое Феоктиста, он, по мнению исследовательницы, мог договариваться с Карлом относительно восстановления церковной унии [29, p. 216sq.]. Эти рассуждения представляются достаточно интересными, но в то же самое время лишены серьезной доказательной базы. Учитывая отсутствие дальнейшего документально зафиксированного развития конфликта, сосредоточимся на выявлении мотивов его инициаторов.

Оба упомянутых нами аристократа видели Андроника II как *innaturalis dominus* и объясняли свою позицию схожими доводами: византийский император не был способен защитить империю от ее врагов, прежде всего, турок. В письме к Карлу Лимбидарий сообщал, что «был отправлен (в Константинополь. – П. Л.) от крепостей востока» (ἐγὼ ἀπεστάλην ἀπὸ τὰ κάστρι τῆς Ἀνατολῆς) [32, let. 2, p. 83⁸–84⁹] (ср.: *fui transmissus ex parte villarum Orientis* [32, let. 2, p. 84⁶]) к «находящемуся (там) противу природы василевсу (Андронику. – П. Л.)» (τὸν εὐρικόμαινον παραφίσην βασιλέα), чтобы малоазийские города получили от него хоть какую-то помощь, так как уже четыре года (χρόνους τέσσαρι ἔνα) (с 1303 г.?) «они были заблокированы (осаждены? – П. Л.) вследствие дурного умысла (василевса) (ἀποκλησμαῖνα διὰ τὴν κακὴν τοῦ βουλήν (βασιλέως. – П. Л.)) [32, let. 2, p. 83⁸–84¹¹]. В конце концов поняв, что помощь получить невозможно, Лимбидарий, по его словам, решил вступить в контакт с адресатом [32, let. 2, p. 84^{11–16}].

Иоанн Мономах писал приблизительно о тех же проблемах, которые испытывала империя в рассматриваемый период времени. Он сообщал Карлу, что происходил «из восточной части Романии» (*ego autem sum de parte orientis Romanie*) [29, let. 1, p. 343³⁶], что подтверждается письмом его друга и корреспондента Мануила Гавалы, согласно которому Мономах лишился всего в результате турецкого завоевания и был вынужден вместе

с семьей переправиться на запад (об этом см.: [10, p. 10]). В письме к Валуа он сетовал на общее бедственное состояние византийского государства: «И эта отчизна сильно разорена язычниками и прочими врагами вследствие бездействия этого противоестественного государя и находится в опасности гибели оставшегося» (*et Patria ista devastata est multum a paganis et aliis inimicis propter inheritiam istius innaturalis domini et est in periculo perditionis residuum*) [29, let. 1, p. 342^{15–17}].

Третий корреспондент Карла, иеромонах Софроний, малоазийское происхождение которого предположила А. Лайу [29, p. 215sq.], также вторил своим сообщникам: «ведь величайшие тьма и мрак окутали наши дела. Какая же наша тьма, и какой мрак? Набеги язычников, пленные, уничтожение городов, крепостей, областей (возм., деревень. – П. Л.), нуждающихся в такое время в спасителе и освободителе» (πλειίστη γὰρ σκοτία καὶ ζόφος κατέλαβε τὰ ἡμέτερα. Τί δὲ ἔστι τὸ καθ' ἡμᾶς, καὶ τίς ὁ ζόφος; αἱ τῶν ἐθνῶν ἐπιδρομαὶ, αἱ αἰχμαλωσίαι, οἱ ἀφανισμοὶ τῶν πόλεων τῶν κάστρων, τῶν χωρῶν χρεῖα δὲ ἐν τούτοις τοῦ σώζοντος καὶ λυτρωσομένου) [32, let. 3, p. 86^{22–26}]. Этим спасителем должен был, по мнению Софрония, выступить Карл.

«Противоестественность» нахождения Андроника II на византийском троне объяснялась, к примеру, Лимбидарием тем обстоятельством, что первый не мог обеспечить безопасность восточным провинциям государства, одна из которых, судя по всему, находилась под управлением последнего. В результате турецкого завоевания все слои местного населения неизбежно лишались имущества, территории империи подлежали разорению, обезлюдению, нарушались экономические связи между городами и округой, колоссальный ущерб наносился сельскохозяйственному производству. В том числе от турок страдали и аристократические семьи, и духовенство, что со всей очевидностью демонстрируют исследуемые нами письма. Беззащитность империи перед внешним фактором, сопряженным в это время с опустошительным каталонским восстанием, и бессилие власти в деле обеспечения обороноспособности государства и безопасности своих подданных, способствовали падению авторитета императора среди членов византийской элиты, заставляя их

искать выход из положения, среди прочего ища поддержки у иноземцев. На подобные примеры мы обращали внимание и ранее.

Согласимся с изложенным выше мнением, что выбор Карла был отчасти обусловлен главным образом его титулом, полученным путем брака с титулярной императрицей Константинополя (об этом, кстати, Мономах прямо говорит в своем письме к нему: [29, let. 1, p. 342⁷⁻¹¹]). По этой причине Карл Валуа рассматривался как *naturalis dominus*, и с ним его византийские корреспонденты связывали успешную защиту империи против турок и прочих внешних врагов. Впрочем, несмотря на то, что тот же Мономах называл в переписке с Карлом «своим государем» не только Карла, но и «блаженнейшей памяти Балдуина» [29, let. 1, p. 342⁷⁻⁸] (Балдуина II де Куртэнэ), едва ли факт его призвания в Византию можно рассматривать исключительно как проявление латинофильских настроений, укоренившихся внутри верхушки византийского общества. Таким образом, мы с некоторыми оговорками поддерживаем позицию А. Лайу. На наш взгляд, в решении вопроса о причинах обращения заговорщиков к Карлу исследовательница несправедливо отдала предпочтение «турецкому фактору» [29, p. 217–218], совершенно обойдя вниманием проблемы империи на западе. Отметим, что для Лимбидария, занятого управлением восточными крепостями, первоочередной миссией Карла действительно была борьба с турками ради спасения христианского населения, находившегося под их натиском [32, let. 2, p. 84¹⁶⁻¹⁹; 85¹²⁻¹⁵]. Тем не менее для Мономаха, находившегося в Фессалоники, союз с Карлом был важен, прежде всего, потому, что тот мог установить мир в войне империи с каталонской дружиной, укрепившейся в Галлиполи и разорвавшей западные территории, поскольку каталонцы «называли» его «(своим) государем» (*nominant te dominum*) [29, let. 1, p. 342¹³⁻¹⁵]²⁶. Фигура графа Валуа ввиду всей совокупности сложившихся обстоятельств была наиболее подходящим выбором, способным удовлетворить запросам всех участников заговора.

Время и место. В датировке заговора мы следуем А. Лайу, которая убедительно доказала, что основным источником по этому событию – письма византийских заговорщиков –

должны были быть написаны летом 1307 г. [29, p. 341 (с аргументацией)]. Территориальная локализация конфликта ограничена, исходя из информации, содержащейся в указанной корреспонденции, городом Фессалоники и восточными областями империи.

Реакция власти. Судя по всему, для императора факт обращения заговорщиков к Карлу Валуа остался неизвестным. На это указывают следующие детали: 1) мы не находим упоминаний о заговоре в других византийских источниках, современных рассматриваемым событиям; 2) один из их участников – Иоанн Мономах – не подвергся какому-либо наказанию и в дальнейшем продолжил нести службу (об этом и о его дальнейшей карьере в Византии см.: [10, p. 12–14]).

Итоги и последствия. Конфликт не был реализован: Карл медлил, а вскоре и вовсе лишился контроля над каталонцами, которые, вероятно, должны были выступить в качестве орудия его захвата империи (см.: [29, p. 220–226; 10, p. 12]).

Это движение со всей очевидностью продемонстрировало уровень падения авторитета императора в рассматриваемый период времени среди некоторых членов византийской элиты, которые перестали видеть в нем защитника собственных, узкогрупповых, и общегосударственных интересов. Так или иначе, оценка реального масштаба сформированного ими заговора представляется проблематичной. Не следует, на наш взгляд, всецело доверять сообщениям корреспондентов Карла Валуа, стремившихся убедить его в готовности населения страны к насильственной смене власти и подкреплявших свои слова ссылками на социальную базу переворота – беженцев, лишившихся имущества и средств к существованию вследствие бездеятельности «протivoестественного василевса». Заговорщики рассматривали сложившиеся в империи социальные и политические условия лишь как потенциальную возможность для решительных действий в пользу императора-латинянина, реакция на которые со стороны византийского общества едва ли можно было назвать предсказуемой.

Заключение. Турецкое завоевание азиатских территорий Византии и каталонское восстание, охватившее европейские регионы государства, являлись важными условиями

генезиса внутренних конфликтов в начале XIV в. Экономические, социальные, военно-политические последствия наступления турок и каталонцев играли в данной связи роль мощных факторов, генерировавших почву для возникновения и развития различных оппозиционных движений. Среди них можно выделить: 1) усиленный отток населения из Малой Азии в европейские части империи, сопровождавшийся крайней пауперизацией (и даже люмпенизацией) народных масс, наполнявших Константинополь и его окрестности; 2) разорение и маргинализацию воинских контингентов, размещенных на востоке, в конечном итоге приводившие к потере их боеспособности; 3) значительное ослабление централизованного контроля над отдаленными регионами государства, усугубившееся вынужденным обстоятельством войны на два фронта. Последствия воздействия одного или нескольких указанных процессов напрямую отражались на авторитете правящего императора, подрывали позиции власти, обретая оформление в виде попыток политического переворота, актов сепаратизма, погромов, самозванчества, коллаборации с иноземцами. Внутренние движения начала XIV в. оказали большое влияние на дестабилизацию византийского государства. В период 1303–1311 гг. конфликты внутри империи приняли практически перманентный характер. Они ставили под сомнение законность правящей династии, приводили к отложению от империи ее собственных территорий, угрожали государственному суверенитету вторжением иностранных войск. Отметим и чрезвычайную пестроту социального состава всех движений: во внутренних конфликтах этого времени принимали участие практически все группы населения: от маргинальных элементов до аристократии, от солдат и военачальников до священнослужителей и монахов. Различные движения, таким образом, так или иначе коснулись общества в целом. По этой причине рассматриваемый период времени по праву можно охарактеризовать как «общество против власти».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О турецком наступлении и территориальных сокращениях Византии в Малой Азии во второй половине XIII – начале XIV вв. см., к примеру: [24,

р. 217–288, esp. 273sq., 282sq.; 3, с. 19–27, особ. 23–27; и др.].

² Многозначность употребления данной лексемы в политическом контексте подтверждается источниками, относящимися к различным периодам истории византийского государства. Обратимся в качестве примера к сочинениям, хронологически близким к рассматриваемым событиям: [20, р. 114²²–115² (измена); 33, р. 196^{22–24}, 197^{20–21}; 198^{12–14} (восстание); 230^{7–11} (измена аланских наемников); 298^{3–4} (акт сепаратизма); 22, р. 209^{17–21} (акт сепаратизма); 4, с. 76^{9–10} (восстание)] и др.

³ Э. Арвейлер посчитала, что Ностонг Дука (ошибочно отождествлен с Константином Нестонгом Дукой [35, no. 20201; 34, р. 151sq., no. 132]) выполнял обязанности дуки фемы Неокастра [9, р. 165]. В Лексиконе и просопографическом труде И. Полемиса Ностонг назван кефале Магнисиис [35, no. 20725; 34, р. 152, no. 133].

⁴ В XIV в. отмечается значительный рост участия так называемых «архонтов», то есть представителей городских элит, в политических событиях в империи. В частности, в годы гражданских войн архонты Адрианополя и Фессалоники поддерживали узурпаторов (Андроника III, Иоанна Кантакузина), об этом: [12, р. 246–249].

⁵ А. Файе определил в качестве даты начала событий в Константинополе 28 мая 1304 г. [19, t. IV, р. 582, n. 24].

⁶ А. Кондояннопулу называет их «представителями горожан» [44, с. 85].

⁷ О наличии священнического звания у Дримия говорят как Пахимер [19, t. IV, р. 653⁸], так и Афанасий: «Дримий ... свидетельствовавший о том, что он сам является одним из духовенства» (Δριμιος ... τοῦ βήματος ἕνα προσμαρτυρῶν ἑαυτὸν) [40, ep. 81, р. 202^{27–28}]. О значении сущ. βῆμα, см.: [8, р. 295sq., s.v.].

⁸ А.-М. Толбот идентифицирует его с митрополитом Мирликийским Лукой, предположительно связанным с арсенитами: [40, р. 406sq., n. 140]. Критика: [45, с. 467–470].

⁹ Афанасий называет арсенитов «ксилотами» (οἱ Ξυλωταί). Относительно данной лексемы см.: [1, с. 59сл., примеч. 17].

¹⁰ Некий Глика, фигурирующий в одном из писем Афанасия (ep. 103), был подвергнут аресту, судя по всему, за участие в заговоре против императора. В. Лораном и А.-М.М. Толбот отождествлен с Дримием [31, р. 432, no. 1637; 40, р. 431]. Его связь с заговором последнего осторожно предполагал И. Шевченко [37, р. 149, 156sq., n. 104]. Критика: [45, с. 470–471].

¹¹ Возможен также перевод πλάνη как deviation, предложенный А.-М.М. Толбот [40, ep. 81, р. 205]. В контексте употребления этого

слова вместе с лексемой ἀποστασία оно, таким образом, кажется, приобретает дополнительный смысл.

¹² «присвоив самому себе славу, как будто ведущуюся от рода Ласкарисов» [19, t. IV, p. 653¹⁰⁻¹¹]. Ср.: «жалкий потомок кого-то из некогда правивших» (ὁ ἄθλιος ἀπόγονος εἶναι τῶν πώποτε βεβασιλευκότων τινός) [40, ep. 81, p. 204⁴⁹⁻⁵⁰].

¹³ В данной связи нелишним будет отметить, что патриарх Афанасий вообще являлся непримиримым противником арсенитского течения – факт, который требует от исследователя вопроса достаточно высокой доли критичности. Об этом: [2].

¹⁴ «когда (эти) нечестивцы лишились божественных надежд и связали их с безбожными псами... отправляя послов к безбожным амалекистам (туркам. – П. Л.) и итальянцам (каталонцам. – П. Л.), и живущим по Истру (болгарам? – П. Л.)...» (ἐλπιδῶν ἀπορραγέντων θεϊκῶν, καὶ ταύτας ἀθείοις κυσὶν ἀναρτησάντων τῶν δυσσεβῶν... ἐν ἀθείοις πρεσβευομένους Ἀμαληκίταις καὶ Ἰταλοῖς, τοῖς τε περὶ τὸν Ἰστρὸν οἰκοῦσιν...) [40, ep. 81, p. 210¹⁶¹⁻¹⁶⁷].

¹⁵ По мнению А. Файе, заговор имел место весной/летом 1305 г. [18, p. 239–242].

¹⁶ Территориальная локализация основывается на двух указаниях: 1) Патриарх Афанасий в своем письме к василевсу указывает на то, что Дримий за какое-то время до организации заговора «достигает столицы» (τὴν βασιλίδα καταλαμβάνει) [40, ep. 81, p. 204¹]; 2) Арсенитский монастырь Моселе, указанный Пахимером, лишенный насельников после раскрытия заговора, находился в Константинополе, вероятно, к востоку от дворца Мирелейона [23, p. 365].

¹⁷ По изданию А. Файе.

¹⁸ А. Файе предполагает, что первый из двух заговорщиков погиб в доме своего тестя Рауля Пахия 28 мая 1305 г. в результате городского погрома, которому мы уделили внимание выше. Таким образом, заговор с участием д'Онеса, отмеченный историком, не может относиться к зиме 1305/6 гг. По мнению ученого, он возник в мае 1305 г. То же касается и заговора Иоанна Дримия (примеч. 15).

¹⁹ То есть Кассиан приходился зятем Андронику II, а Никифор Хумн был его сватом. Так или иначе, данные о семье великого приммикирия отсутствуют.

²⁰ О Вардале: [35, no. 2179]. Известен только по этому сообщению Пахимера. По неизвестным причинам С. Кириакидис идентифицирует его с орфанотрофом Львом Вардалем [35, no. 2183], см.: [27, p. 169, n. 16], что не имеет под собой никаких оснований и противоречит сведениям Лексикона.

²¹ Известен только по двум своим письмам, согласно которым занимал достаточно высокое по-

ложение в империи. Некоторые авторы были склонны видеть в нем протовестиарита, а затем великого стратопедарха Ливадария [35, no. 14859], который в 1295 г. подавил восстание под руководством Алексея Филанфропина и ослепил его [37, p. 157, n. 106a; 14, p. 760; 29, p. 215]. Это предположение не подкреплено ничем, кроме географической привязки деятельности этих персонажей и схожести их имен.

²² Отметим, что в другом письме (Катерине де Куртенэ) Мономах снова упоминает про своих сообщников ἐκ τῶν μεγάλων ἀνθρώπων (ср.: de magnis hominibus) [32, let. 1, p. 82⁴⁻⁵, 83³⁻⁴].

²³ Копии писем Лимбидария – Карлу и Мономаху – Катерине написаны на разговорном среднегреческом языке. В приводимых отрывках иногда отсутствуют диакритические знаки, встречаются ошибки в употреблении тех или иных грамматических категорий и т. д. Оставляем в неизменном виде. Поскольку письмо издано вместе с латинской копией, при необходимости цитируем ее вместе с греческим вариантом.

²⁴ Свое завоевание империи Карл, согласно замыслу Лимбидария, должен был начать с востока страны, но для начала ему следовало сосредоточиться на обеспечении безопасности азиатских территорий и их населения [32, let. 2, p. 84²⁵⁻²⁷; 85¹⁸⁻¹⁹].

²⁵ Катерина де Куртенэ приходилась внучкой последнему латинскому императору Константинополя Балдуину (Бодуэну) II де Куртенэ [35, no. 2070]. Согласно брачному договору, императорский титул и владения империи отходили Карлу и его наследникам [29, p. 129].

²⁶ Летом 1307 г. каталонцы во главе с Беренгером де Рокафортом [35, no. 24373] принесли присягу на верность и оммаж (homenatge) Карлу Валуа через его представителя Тибо де Сепуа, который стал *reg capitā* каталонской дружины [15, p. 448¹⁸⁻²⁹ = 39, p. 566], см. об этом: [29, p. 208sq.].

REFERENCES

1. Barabanov N.D. O kharaktere vystupleniya Ioanna Drimiya v nachale XIV v. [On Nature of the John Drimys' Revolt in the Early 14th Century]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1980, vol. 17, pp. 53-60.
2. Vishnyak M.A. The Image of the Arsenites in the Correspondence of Athanasius I, the Patriarch of Constantinople. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.2>.

3. Zhukov K.A. *Egeyskie emiraty v XIV–XV vv.* [The Aegean Emirates in the 14th – 15th cc.]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.
4. Karpov S.P., Shukurov R.M., Kryukov A.M., eds. *Mikhail Panaret. O Velikikh Komninakh (Trapezundskaya khronika)* [Michael Panaretos. On the Grand Komnenoi (Trebizond Chronicle)]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2019. 176 p. (Novaya vizantiyskaya biblioteka. Istochniki [New Byzantine Library. Sources]).
5. Przhegorlinskiy A., ed. *Vizantiyskaya tserkov na rubezhe XIII–XIV vv. Deyatel'nost' i nasledie sv. Feolipta, mitropolita Filadelfijskogo* [Byzantine Church at the Turn of the 13th – 14th Centuries. Activities and Legacy of St. Theoleptos, Metropolitan of Philadelphia]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2011. 240 p.
6. Troitskiy I.E. *Arseniy, patriarch Nikeyskiy i Konstantinopolskiy, i arsenity (k istorii vostochnoy tserkvi v XIII veke)* [Arsenius, Patriarch of Nicaea and Constantinople, and the Arsenites (To the Eastern Church History During the 13th Century)]. Saint Petersburg, Tipografiya Departamenta udelov, 1873. 534 p.
7. Liddell H.G., Scott R., eds. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Pr., 1996. XLV, 2042 p., XXXI, 320 p.
8. Lampe G.W.H., ed. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, The Clarendon Pr., 1961. XLIX, 1568 p.
9. Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupation turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle. *Travaux et mémoires*, 1965, vol. 1, pp. 1-202.
10. Ahrweiler H. Philadelphie et Thessalonique au début de XIVe siècle: à propos de Jean Monomaque. *Philadelphie et autres études*. Paris, Publications de la Sorbonne, 1988, pp. 9-16. (Byzantina Sorbonensia, vol. 4).
11. Angelov D. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2007. XVIII, 453 p.
12. Angold M. Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire. Angold M., ed. *The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries*. Oxford, B.A.R., 1984, pp. 236-253.
13. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army, 1204–1453*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Pr., 1992. XVIII, 441 p. (Middle Ages Series).
14. Burns R.I. The Catalan Company and the European Powers, 1305–1311. *Speculum*, 1954, vol. 29, no. 4, pp. 751-771.
15. Bofarull A. de, ed. *Crónica catalana de Ramon Muntaner*. Barcelona, Impr. de J. Jepús, 1860. 612 p.
16. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymérès (livres VII–XIII). *Revue des études byzantines*, 1990, vol. 48, pp. 5-87.
17. Failler A. Ferran d'Aunés gentilhomme catalan. *Revue des études byzantines*, 1995, vol. 53, pp. 327-336.
18. Failler A. Le complot antidynastique de Jean Drimys. *Revue des études byzantines*, 1996, vol. 54, pp. 235–244.
19. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymérès. Relations historiques*. T. II: Liv. IV–VIII. Paris, Soc. d'éd. «Les belles lettres», 1984, pp. 327-667; Failler A., ed. T. III: Liv. VII–IX. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. XXIV, 305 p.; Failler A., ed. T. IV: Liv. X–XIII. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306-727.
20. Heisenberg A., ed. *Georgii Acropolitae Historia. Georgii Acropolitae Opera. Vol. I. Continens historiarum, breviarum historiae, Theodori Scutariotae additamenta*. Stutgardia, B.G. Teubner, 1903, 189 p.
21. Gickler H. *Kaiser Michael IX. Palaiologos: Sein Leben und Wirken (1278 bis 1320). Eine biographische Annäherung*. Frankfurt am Main, P. Lang, 2015. 224 p. (Studien und Texte zur Byzantinistik, vol. 9).
22. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. I*. Bonna, Weber, 1828. XXXVI, 560 p. (Corpus scriptorum historiae byzantinae, vol. 5).
23. Janin R. *Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1950. XXVII, 483, [15] p. (Archives de l'Orient chrétien, vol. 4).
24. Korobeynikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. New York, Oxford Univ. Pr., 2014. XXI, 372 p. (Oxford Studies in Byzantium).
25. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Leiden, Boston, Brill, 2011. 254, [20] p. (History of Warfare, vol. 67).
26. Kyriakidis S. The Idea of Civil War in Thirteenth and Fourteenth-Century – Byzantium. *Zbornik radova Vizantoloskog instituta* [Proceedings of the Byzantine Institute], 2012, vol. XLIX, pp. 243-256.
27. Kyriakidis S. The Revolt of the General Kassianos in Mesothynia (1306). *Byzantion nea hellás*, 2014, vol. 33, pp. 165-180.
28. Laiou A.E. The Provisioning of Constantinople During the Winter of 1306–1307. *Byzantion*, 1967, vol. XXXVII, pp. 91-113.
29. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge, Harvard Univ. Pr., 1972. XII, 390 p. (Harvard Historical Studies, vol. 88).
30. Laurent V. Les grandes crises religieuses à Byzance: la fin du schisme arsénite. *Bulletin de la Section historique de l'Académie roumaine*, 1945, vol. 26, pp. 225-313.
31. Laurent V., ed. *Les registes des actes du patriarchat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. IV: Les registes de 1208 à 1309*.

Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1971. XXVIII, 636 p. (Le patriarcat byzantin. Sér. 1).

32. Moranville H. Les projets de Charles de Valois sur l'empire de Constantinople. *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1890, vol. 51, pp. 63-86.

33. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. I*. Bonna, Weber, 1829. 568 p. (Corpus scriptorum historiae byzantinae, vol. 25).

34. Polemis D.I. *The Doukai: A Contribution to Byzantine Prosopography*. London, The Athlone Pr., 1968. XVI, 228 p.

35. Trapp E., Walther R., Beyer H.-V. et al., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.

36. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des Östlichen Reiches von 565–1453. Vol. 4: Regesten von 1282–1341*. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1960. XXX, 165 p. (Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Reihe A, Abt. 1).

37. Ševčenko I. The Imprisonment of Manuel Moschopoulos in 1305. *Speculum*, 1952, vol. 27, no. 2, pp. 133-157.

38. Sophocles E.A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. 3. Hildesheim, Zürich, New York, G. Olms Verl., 1992. XVI, 1188 p.

39. Goodenough L., ed. *The Chronicle of Muntaner. Vol. II*. London, The Hakluyt Soc., 1921. XXIV, pp. 371-760. (Works Issued by the Hakluyt Society. 2nd ser., vol. 50).

40. Talbot A.-M.M., ed. *The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople: Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials*. Washington, Dumbarton Oaks

Center for Byzantine Studies, 1975. LII, 467 p. (Corpus fontium historiae byzantinae. Ser. washingtonensis, vol. 7).

41. Tudorie I.-A. Le schisme arsénite (1265–1310): entre akribeia et oikonomia. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta* [Proceedings of the Byzantine Institute], 2011, vol. 48, pp. 133-175.

42. Gounarides P. *To kinema ton Arseniaton (1261–1310): ideologikes diamaches ten epoche ton proton Palaiologon* [Movement of the Arsenites (1261–1310): Ideological Conflicts of the Early Palaiologan Epoch]. Athens, Ekd. Domos Publ., 1999. 245 p. (in Greek).

43. Kontogiannopoulou A. *To schisma ton Arseniaton (1265–1310). Symbole sten melete tes poreias kai tes physes tou kinematos* [The Schism of the Arsenites (1265–1310). A Contribution to the Study of Course and Nature of the Movement]. *Byzantiaka* [Byzantine Studies], 1998, vol. 18, pp. 177-236. (in Greek).

44. Kontogiannopoulou A. *E esoterike politike tou Andronikou II Palaiologou (1282–1328). Dioikese – Oikonomia* [The Domestic Policy of Andronikos II Palaiologos (1282–1328). Administration – Economics]. Thessaloniki, Kentro Byzantinon Ereunon Publ., 2004. 351 p. (Byzantina keimena kai meletai [Byzantine Texts and Studies], vol 36). (in Greek).

45. Stauridou-Zaphraka A. *E sunomiosia tou Ioanne Drimeos enantion tou Andronikou II (1305/6)* [The Conspiracy of John Drymys Against Andronikos II Palaiologos (1305/6)]. *Epistemonike Epeterida tes Philosophikes Scholes tou Aristoteleiou Panepistemiou Thessalonikes* [Scientific Annals of the Faculty of Philosophy of the Aristotle University of Thessaloniki], 1983, vol. 21, pp. 459-487. (in Greek).

Information about the Author

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Информация об авторе

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>